

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

**МОСКВА
2020**

Министерство культуры Российской Федерации
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА В СФЕРЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ
ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Москва
2020

УДК 172.1+351.85+930.85
ББК 71.41(2Рос)
С56

Рецензенты:

А.Л. Казин, доктор философских наук, профессор,
исполняющий обязанности директора Российского института истории искусств;

А.Д. Гронский, ведущий научный сотрудник Сектора Белоруссии, Молдавии
и Украины Центра постсоветских исследований Института мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук.

Авторы:

*Т.В. Беспалова, Г.Е. Васильев, А.Ю. Минаков,
В.Н. Расторгуев, С.Ф. Черняховский.*

Ответственный редактор:

Е.В. Бахревский.

Научные редакторы:

Т.В. Беспалова, В.Н. Расторгуев.

**Совершенствование понятийного аппарата в сфере государственной
культурной политики современной России : коллективная монография. —**
М. : Институт Наследия, 2020. — 117 с. — DOI 10.34685/НИ.2019.32.11.009
ISBN 978-5-86443-316-4

Монография является итогом научно-исследовательской работы по проблемам, связанным с совершенствованием и развитием понятийного аппарата документов стратегического планирования Российской Федерации в сфере культуры и тезаурусным подходом к законотворческой деятельности. Авторы не ограничивали предмет исследования сферой культуры по причине взаимосвязи культурной, образовательной, национальной и других сфер государственной политики Российской Федерации, а также по причине недостаточной согласованности понятий, используемых в официальных документах в указанных сферах. Наличие такой понятийной путаницы, по мнению авторов, отчасти объясняется как применением разных научных подходов к исследованию культуры, культурного суверенитета, русской цивилизации и другим концептам, используемым законодателем, так и сложностью их системного осмысления в методологическом аспекте. Издание подготовлено в рамках выполнения государственного задания ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по теме «Разработка предложений по усовершенствованию понятийного аппарата в документах стратегического планирования РФ в сфере культуры».

УДК 172.1+351.85+930.85
ББК 71.41(2Рос)

ISBN 978-5-86443-316-4

© Российский научно-
исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачёва, 2020

Содержание

<i>Предисловие</i>	4
<i>Расторгуев В. Н.</i> Совершенствование понятийного аппарата и концептосферы законотворческой деятельности в сфере государственной культурной политики: методологические и цивилизационные аспекты.....	8
<i>Беспалова Т. В., Минаков А. Ю., Васильев Г. Е.</i> Анализ основных документов стратегического планирования Российской Федерации в сферах образования, культуры, государственной национальной политики и национальной безопасности	40
<i>Васильев Г. Е.</i> Анализ определений некоторых основных понятий в документах стратегического планирования и законодательных актах в сфере культуры.....	59
<i>Черняховский С. Ф.</i> О категории культурного суверенитета.....	72
<i>Беспалова Т. В.</i> Актуальные проблемы государственной культурной политики в современной России	84
<i>Приложение № 1</i> Резолюция Всероссийской научно-практической конференции «Цивилизационный путь России: культурно-историческое наследие и стратегия развития»	96
<i>Приложение № 2</i> Определения основных понятий законодательных актов Российской Федерации и документов стратегического планирования в сфере культуры и связанной с ней сфере государственной национальной политики (<i>извлечения</i>)	101
<i>Литература</i>	115

Предисловие

Совершенствование понятийного аппарата государственной культурной политики Российской Федерации является необходимым условием для надлежащего решения задач и достижения целей государственной культурной политики, определенных в Основах государственной культурной политики¹ и Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года², рассматриваемых во взаимосвязи с целями и задачами государственной политики в сферах обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, государственной национальной, молодежной образовательной политики, а также политики в сфере обеспечения информационной безопасности детей.

Достижение целей государственной культурной политики, отвечающей национальным интересам России, невозможно без тщательно проработанного понятийного аппарата, включающего определения основных понятий в сфере культуры, позволяющего адекватно и с надлежащей полнотой и определенностью описывать отношения в сфере культуры (в том числе объекты культурной политики, культурную деятельность, цели, принципы, задачи, механизмы реализации и ожидаемые результаты государственной культурной политики) и формулировать правовые нормы.

При этом система определений основных понятий в сфере культурной политики должна отражать стратегические цели обеспечения национальной безопасности в области культуры, учитывать угрозы и факторы, способствующие ее укреплению в области культуры.

Определения основных понятий в сфере культурной политики закреплены в вышеуказанных документах стратегического планирования Российской Федерации, а также в федеральных законах, регулирующих отношения в сфере культуры (Основы законодательства Российской Федерации о культуре от 9 октября 1992 года

¹ Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики».

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 года № 326-р.

№ 3612-І, Федеральный закон от 22 августа 1996 года № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» и ряде других федеральных законов)³.

Следует отметить, что отраслевые документы стратегического планирования Российской Федерации в сфере культуры (Основы государственной культурной политики, Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, план мероприятий по реализации в 2019–2021 годах Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года⁴ и другие документы стратегического планирования в этой сфере) разработаны в соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁵.

³ См. Приложение № 1.

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 июня 2019 года № 1259-р.

⁵ Согласно **Федеральному закону от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»** под **стратегическим планированием** понимается деятельность участников стратегического планирования (органов государственной власти и другие участники) по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации. Стратегическое планирование в Российской Федерации осуществляется на федеральном уровне, уровне субъектов Российской Федерации и уровне муниципальных образований.

Согласно указанному Федеральному закону, **отраслевой документ стратегического планирования Российской Федерации** — это документ, в котором определены приоритеты, цели и задачи государственного и муниципального управления и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, способы их эффективного достижения и решения в соответствующей отрасли экономики и сфере государственного и муниципального управления Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования.

Отраслевые документы стратегического планирования Российской Федерации разрабатываются по решению Президента Российской Фе-

Задача по совершенствованию понятийного аппарата государственной культурной политики обусловлена рядом причин: во-первых, необходимостью приведения понятийного аппарата в большее соответствие с положениями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации с учетом новых процессов и угроз национальной безопасности в сфере культуры. Во-вторых, необходимостью выполнения поручения Президента Российской Федерации В. В. Путина по обеспечению учета положений Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 6 декабря 2018 года № 703) при внесении изменений в Стратегию государственной культурной политики на период до 2030 года и ряд других документов стратегического планирования⁶. В-третьих, в разрабатываемом проекте федерального закона «О культуре» предусматривается закрепление определений основных используемых в нем понятий, которые также должны основываться на вышеуказанных документах стратегического планирования.

Взаимосвязь государственной культурной политики и государственной национальной политики указана Стратегии национальной безопасности Российской Федерации⁷, согласно которой «для до-

дерации или Правительства Российской Федерации в соответствии с их компетенцией федеральными органами исполнительной власти в целях обеспечения реализации стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, стратегии национальной безопасности Российской Федерации, стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, стратегии пространственного развития Российской Федерации с учетом прогноза научно-технологического развития Российской Федерации, стратегического прогноза Российской Федерации, прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период.

⁶ Подпункт «а» пункта 1 перечня поручений Президента Российской Федерации В. В. Путина по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям 29 ноября 2019 г. (Пр-71 от 16 января 2020 г.). Источник: официальный сайт Президента Российской Федерации: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62618> (дата обращения : 10.02.2020).

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», пункт 80.

стижения стратегических целей обеспечения национальной безопасности в области культуры реализуются государственная культурная политика и государственная национальная политика, которые направлены на укрепление и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, обеспечение национальной, религиозной, расовой терпимости, на воспитание взаимного уважения народов Российской Федерации, а также на развитие межнациональных и межрегиональных культурных связей».

Авторы статей, представленных в настоящем сборнике, не дают развернутых и полных ответов на все поставленные вопросы, обоснованно полагая, что для решения этой межотраслевой задачи необходимо привлечение и участие специалистов также из смежных областей научных знаний и сфер государственного управления, а также считая, что изложенная в статьях научно обоснованная постановка вопросов и задач по совершенствованию понятийного аппарата государственной культурной политики является важным и необходимым этапом их решения. При этом ряд предлагаемых авторами направлений совершенствования определений уже используемых основных понятий в сфере культурной политики и конкретные формулировки новых редакций определений понятий, а также обоснование определения ряда понятий, ранее не имевших строгих дефиниций, — представляется имеющими теоретическую и практическую пользу, в частности, для законодателей и специалистов профильных федеральных органов исполнительной власти.

**Совершенствование понятийного аппарата
и концептосферы законотворческой деятельности
в сфере государственной культурной политики:
методологические и цивилизационные аспекты**

Одна из заметных тенденций последних десятилетий — глубокие качественные изменения во внутренней и внешней государственной политике России. Это касается всех ее отраслей, но прежде всего — сферы культурной, национальной, языковой и образовательной политики, которые тесно связаны между собой, но так же, как и все остальные отрасли, имеют ярко выраженное международное измерение, особо значимое в многонациональных и многоконфессиональных государствах.

Дело в том, что сложная мозаика национальных культур и языков не укладывается в государственные границы, что делает государственную международную политику на порядок сложнее и накладывает особый отпечаток на внутреннюю политику. Здесь на первый план выходят языковые проблемы (многоязычие или билингвизм, функции государственного языка или языков) и феномен цивилизационной общности, основанной на особом типе самоидентификации. Ее главная особенность заключается в том, что она включает в себя этническую, языковую, конфессиональную и гражданскую идентичность. Это проявляется в общей системе ценностей и идеалов, а также в исторически сложившихся и проверенных временем норм межэтнического и межконфессионального содружества и взаимовыручки.

В общенациональной культурной политике эти проблемы, возникающие на пересечении внутренней и внешней политики, интересов национальных и международных элит, резко обостряются в условиях глобализации. Это обстоятельство легко превращает культурную политику в инструмент неконтролируемых манипуляций, которые вступают в противоречия с интересами национальной безопасности. К тому же культурная политика менее прозрачна, чем другие, даже родственные отрасли и сферы политики. К примеру, и национальная, и языковая, и образовательная сферы несравненно в большей степени поддаются международной стандартизации, а границы культурной политики невозможно четко провести. Она

более подвижна, с одной стороны, а с другой стороны, в значительно большей степени предопределена сложившимися национальными укладами и вековыми народными традициями и цивилизационной спецификой.

Все это требует своего осмысления, но сам процесс осмысления, когда речь идет не только о личном знании, но и о знании коллективном, а тем более специализированном, требует особого анализа и междисциплинарного подхода. Это тем более важно, что осмысление в данном случае составляет часть научно-экспертной работы, задачи которой носят прикладной характер и связаны с подготовкой политических решений, например, при совершенствовании отраслевого законодательства и в процессе управления в сфере государственной культурной политики. Сам процесс осмысления заключается, во-первых, в стремлении понять, уловить глубинные смыслы происходящих событий и процессов — стихийных и целенаправленных, связанных с осуществлением разнонаправленных программ и проектов, а во-вторых, в понятном желании наполнить их собственными смыслами, и тем самым направить в нужное русло.

Этот феномен описывается в различных теориях институализации, которые раскрывают механизмы превращения идей, закрепленных в научных концепциях и продуктивных понятиях, которые превращаются в институциональные факты — в реалии социальной и политической жизни. Эти факты со временем «опривычиваются», то есть некритически принимаются миллионами людей как данность, неотличимая от других фактов, например, природных (процесс хабиутализации). Но как бы мы ни относились к этим теориям и как бы ни воспринимали институциональные факты — выделяя их или не выделяя, в любом случае, когда речь идет об осмыслении событий и процессов, имеются в виду концепты, категории и понятия, которые закрепляют смыслы в языке, а точнее, во множестве языков. Это и язык повседневного общения, и языки научных дисциплин, из которых многие понятия и попадают в национальные языки, а также язык политического дискурса и, конечно, язык законов и подзаконных актов, который в отличие от языка науки должен отражать в какой-то степени основные значения, но быть максимально универсальным и доступным для неподготовленных людей.

Говоря о категориях культурной политики, в первую очередь следует упомянуть о категориях, заимствованных из цивилизационной теории и, прежде всего, из теории, обосновывающей специфику Российской цивилизации и мировых цивилизаций. Именно они активно вводятся в последние годы в политический дискурс и во

многие доктринальные документы, определяющие характер и цели политики по всему спектру отраслевых направлений. Впереди — большая работа по совершенствованию понятийного аппарата законодательства, связанного с правовым обеспечением культурного и цивилизационного развития России.

Своеобразной вехой в развитии этой тенденции стало заседание Всемирного русского народного собора (ВРНС), которое состоялось в ноябре 2018 г. в Кремлевском дворце и было посвящено цивилизационному развитию России. На этом заседании с докладами выступали Президент России В.В. Путин, президент РАН А.М. Сергеев и руководитель ВРНС Святейший патриарх Кирилл. Центральное место в их докладах занимал вопрос о специфике цивилизационного пути России и сохранении собственной идентичности и солидарности в мире цивилизаций, представляющем собой многоликую сложность. Президент Российской Федерации в своем выступлении выразил убежденность в том, что голос России в мире будущего будет звучать достойно и уверенно: «Это предопределено и нашей традицией, и нашей внутренней духовной культурой, самосознанием и, наконец, самой историей нашей страны как самобытной цивилизацией, уникальной, но не претендующей самоуверенно и хамовато на свою исключительность. Потому что невозможно представить историю человечества без таких же неповторимых цивилизаций, как Индия, Китай, Западная Европа, Америка и многих других. Это, действительно, многоликая сложность, каждая грань которой дополняет и обогащает друг друга. И здесь хочу напомнить слова выдающегося русского мыслителя XIX века Николая Данилевского: “...ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтобы она представляла высшую точку развития...” Сегодня понимание такой сложности развития цивилизаций служит фундаментальной основой для многополярного мира, для отстаивания принципов международного права»¹.

К слову, на этом заседании прошла презентация коллективной монографии «Цивилизационный путь России: наследие, потенциал, перспективы», в которой были обобщены результаты исследовательской программы «Цивилизационный путь России». Программа инициирована Научным советом при Президиуме РАН при орга-

¹ Выступление Президента России В.В. Путина на открытии XXII Всемирного русского народного собора [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5295161.html> (дата обращения : 10.02.2020).

низационном участии МГУ имени М. В. Ломоносова и Института наследия имени Д. С. Лихачёва.

Предмет нашего анализа — методология подготовки тезауруса законодателей и совершенствования понятийного аппарата, используемого при толковании законов или подзаконных актов, а также выработка особых требований к лексике документов стратегического планирования Российской Федерации² и нормативных актов,

² Документами стратегического планирования Российской Федерации, разработанным в рамках целеполагания по отраслевому принципу, в сфере культуры являются: Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808, Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р.

Согласно Федеральному закону 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» документы стратегического планирования разрабатываются в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования на федеральном уровне, на уровне субъектов Российской Федерации и на уровне муниципальных образований (часть 1 статьи 11). Под отраслевым документом стратегического планирования Российской Федерации понимается документ, в котором определены приоритеты, цели и задачи государственного и муниципального управления и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, способы их эффективно достижения и решения в соответствующей отрасли экономики и сфере государственного и муниципального управления Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования (пункт 27 статьи 3).

В соответствии с частью 3 статьи 11 названного Федерального закона к документам стратегического планирования, разрабатываемым на федеральном уровне, относятся:

1) документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках целеполагания: а) ежегодное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации; б) стратегия социально-экономического развития Российской Федерации; в) стратегия национальной безопасности Российской Федерации, а также основы государственной политики, доктрины и другие документы в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации; г) стратегия научно-технологического развития Российской Федерации;

регламентирующих сферу отраслевой государственной политики с учетом специфики культурной деятельности. Основная цель — определить систему критериев, которые мы предъявляем к одним и тем же (на первый взгляд) концептам, понятиям и терминам, используемым не только в сфере культурной политики и в публичном политическом дискурсе, но и в научных текстах, а также в общепотребимом языке.

Для того чтобы расширить наши представления о тезаурусе государственного управления³ в сфере культуры, в том числе законотворческой деятельности, связанной с государственной культурной политикой, и о связи понятийного аппарата, используемого законодателем, с категориальным аппаратом науки и языком образования, а также для того чтобы устранить искусственно созданную терминологическую путаницу, зададим себе ряд предварительных вопросов.

Первый вопрос, который следует затронуть при обсуждении принципиальной возможности добиться единообразия в толковании основных понятий, используемых в законотворческом процессе, — это вопрос о том, достижимо ли в принципе единомыслие между самими учеными, изучающими различные аспекты культур-

2) документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках целеполагания по отраслевому и территориальному принципу: а) отраслевые документы стратегического планирования Российской Федерации; б) стратегия пространственного развития Российской Федерации; в) стратегии социально-экономического развития макрорегионов;

3) документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках прогнозирования: а) прогноз научно-технологического развития Российской Федерации; б) стратегический прогноз Российской Федерации; в) прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период; г) бюджетный прогноз Российской Федерации на долгосрочный период; д) прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период;

4) документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках планирования и программирования: а) основные направления деятельности Правительства Российской Федерации; б) государственные программы Российской Федерации; в) государственная программа вооружения; г) схемы территориального планирования Российской Федерации; д) планы деятельности федеральных органов исполнительной власти.

³ В широком значении понятия «государственное управление».

ной политики, хотя бы в ситуации, когда они выступают в качестве экспертов, вовлеченных в законотворческий процесс? Да и замечают ли сами эксперты, являющиеся специалистами в рамках соответствующих научных дисциплин и не имеющие, как правило, ни опыта законотворческой деятельности, ни знаний и навыков в области лингвополитики, тот факт, что требования к понятийному аппарату науки или образования существенно отличаются от функциональных обязанностей законодателя? С этим связан и вопрос о том, всегда ли возможно учесть при принятии решений мнение научного сообщества и чем руководствоваться при проведении экспертизы?

Второй вопрос, приближающий нас к пониманию задач законодателя, заключается в том, какие требования к законам и иным правовым актам должны быть предъявлены к языку, чтобы обеспечить должный уровень понимания основных концептов, понятий и терминов, которыми оперирует законодатель, среди людей с разным уровнем образования и правовой культуры, к которым адресованы законы? В какой степени эти требования должны учитывать особенности мышления деятелей культуры и специалистов гуманитарного профиля, имеющих некоторые представления об основных и зачастую конкурирующих научных школах и теориях, благодаря которым соответствующие понятия и термины вошли в научный оборот, сферу государственного управления и обогатили язык? При этом нельзя забывать и тот факт, что незнание закона, как известно, не освобождает граждан от ответственности за его соблюдение. Но как в таком случае можно добиться необходимого единообразия в понимании и трактовке законов, не искажая и не профанируя научные знания в процессе их адаптации?

Третий вопрос носит не теоретический, а прикладной характер: возможна ли разработка и введение общего *тезауруса законодателя*, который позволил бы сблизить научные представления о культуре с понятийным аппаратом современной публичной политики и языком законов?

Насколько реальна программа по разработке такого тезауруса и поможет ли она добиться синхронизации усилий государства, гражданского общества и религиозных организаций в достижении целей государственной культурной политики, одна из которых — сбережение и обогащение культурного наследия России?

Для ответа на поставленные вопросы постараемся предельно сжато сформулировать одну из главных причин, порождающих большинство споров, многие из которых заводят спорщиков в тупик только потому, что они говорят на разных языках, не по-

дозревая об этом. В результате происходит не столько обычная подмена понятий, сколько подмена базовых концептов и «этажей мышления».

О каких концептах и языках идет речь и какие «этажи мышления» имеются в виду? Для начала небольшое пояснение о роли концептов в культуре, а также в языковой и политической культуре. Как писал Д. С. Лихачёв, новое прочтение этого понятия, принадлежит С. А. Аскольдову, исследования которого в конце 20-х годов были приостановлены, а сам он объявлен «идеалистом». Аскольдов рассматривал концепты как познавательные средства, выполняющие функцию заместительства: «концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода». По мнению Лихачёва, «концепт существует не для самого слова, а во-первых, для каждого основного (словарного) значения слова отдельно и, во-вторых, служит своего рода “алгебраическим” выражением значения, которым мы оперируем в своей письменной и устной речи, ибо охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определенной среде, профессии и т. д.)»⁴.

По мнению Лихачёва, заместительная функция концепта облегчает языковое общение во всех сферах деятельности, поскольку не только подменяет собой значение слова и тем самым снимает разногласия, различия в контекстуальном понимании значения слова, чем облегчается общение, но и расширяет значение, оставляя возможности для сотворчества, домысливания, «дофантазирования» и для эмоциональной ауры слова. Лихачёву принадлежит и создание нового концепта — «концептосферы», обозначающего «совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека и всего языка в целом». Лихачёв отмечает, что концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации — ее литература, фольклор, наука, изобразительное искусство.

Концептосфера политического языка и связанного с ним языка государственного управления и законодательства в современном глобализирующемся мире формируется по принципу «навязыва-

⁴ *Лихачёв Д. С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста : антология. М. : Ин-т народов России, 1997. С. 280.

ния» концептов, выработанных в западных странах, что закономерно, поскольку именно в европейских языках появились многие концепты, заимствованные из античности и римского права, отшлифованные в эпоху Просвещения и немецкой классической философии, а позднее заимствованные в других странах и, в частности, в России. Вместе с тем такое положение дел препятствует не только высвобождению других государств и народов от «полной концептуальной зависимости», которая в ряде случаев на порядок тяжелее, чем технологическая, поскольку сковывает возможности собственного стратегического мышления, но и, что не менее важно, существенно сужает возможности продуктивного развития самой западной мысли и самой Западной цивилизации.

Поставив себя в качестве единственно верного, да и возможного культурного образца для всех народов, она заведомо обрекла себя на запредельный риск утраты собственной уникальности и, следовательно, на самоуничтожение и, что еще опасней, на утрату лидирующих позиций в мировом развитии, которые она сохраняла три столетия. Именно тот факт, что другие мировые страны-цивилизации сберегли свою самобытность вместе с открытостью всему новому, и стало причиной, что на рубеже двух тысячелетий они вошли в число мировых экономических и геополитических лидеров. В этом отношении и стратегический выбор России также предопределен, что потребует в первую очередь отказаться не столько от продовольственной и технологической зависимости, сколько от концептуальной и, соответственно, политической.

Это особенно явственно проявляется в сфере сравнительной политологии, на что обращает внимание Дж. Сартори, говоря о «расширении спектра политических систем», о чем свидетельствует умножение числа политических единиц. И действительно, этот процесс может, по-видимому, идти бесконечно: если в 1946 г. имелось около 80 государств, то сейчас не кажется фантастическим предположение о том, что в 2018 году в состав ООН входило уже 193 государства. Поэтому представляется очевидным, что политическая терминология не может сохраняться в том виде, в каком она существовала до 1950 г., не будучи приспособлена к использованию на межрегиональном, международном, общепланетарном уровнях. Вместе с тем (и вопреки смелым попыткам решительного обновления терминологии) «трудно представить, чтобы западные мыслители смогли радикально отойти от политического опыта Запада, т. е. от политического языка, который тысячелетиями складывался на основе этого опыта. Следовательно, первый вопрос состоит в том,

насколько далеко (и каким образом) можно продвинуться с помощью доступной нам политической терминологии»⁵.

Кратко остановившись на рабочем определении концепта, вернемся к вопросу о языках, характерных для различных сфер деятельности, «этажах» мышления, от перемещения по которым также преобразуются концепты. В первую очередь следует упомянуть о языке науки, а точнее — о языках многих отдельных наук, объектом которых является культура и цивилизация. Список таких наук становится все длиннее, а границы между ними все более заметными, хотя наиболее интересные исследовательские направления развиваются на «пограничье» и «спорных территориях», что не отменяет ужесточения «демаркационных линий» и усиления стандартизации наук. Среди них философские, политологические и теологические дисциплины, обширное семейство наук исторического цикла — от археологии до этнологии и этнографии, а также целые специализированные области культурологии и лингвистики.

Каждая из этих наук рассматривает культуру и цивилизацию под своим углом зрения, поскольку имеет собственный категориальный аппарат и особые методы — свой «этаж смыслов», на который могут подняться (уровень обобщений) или опуститься (уровень «углубления в предмет») только узкие специалисты. Именно по этой причине о всяком узком специалисте говорят со времен Козьмы Пруtkова, что он «похож флюсу», ибо знания его односторонни, а потому и закрыты для большинства смежных специалистов, что ограничивает и его собственный исследовательский горизонт. И чем уже (глубже) специализация, тем труднее ученым, занимающимся одним предметом, дается общение между собой — даже если они находятся на одном общем «этаже науки». Поэтому возникает потребность в «указателях» и «толмачах», которые профессионально заняты «переводом» базовых терминов с языка одной науки на язык другой. Кроме того, нужен и свой перевод для тех, кто приобщается к наукам — начиная со школьной скамьи и кончая высшими ступенями профессионального образования.

В процессе такого «перевода» научных понятий, в том числе и понятий культуры и цивилизации, на общедоступный язык учебной литературы происходит фантастическое, но не заметное со стороны обеднение основных смыслов. Поэтому приходится искать «усредненные» варианты интерпретации и толкования, считаясь

⁵ *Сартори Дж.* Искажение концептов в сравнительной политологии (II) // Полис. 2003. № 3. С. 69.

с нормами обыденного языка и возрастной психологией восприятия, логикой преподавания и уровнем подготовленности аудитории. При этом в процессе популяризации изменяется вся система обоснований. Если в живом процессе научного поиска решающую роль играли, например, обоснования, позволяющие «подогнать» идею автора к требованиям дисциплины — принятым научным сообществом стандартам и парадигмам, то на этапе адаптации теории в ходе обучения на первое место выходят обоснования *ad hoc* (к случаю), облегчающие запоминание и усвоение. В результате все большую значимость приобретают, а иногда и доминируют, мнемонические техники⁶.

Не менее значим и тот факт, что в разных языках до сих пор существуют некоторые различия в понимании культуры и цивилизации — от полного тождества до принципиальных расхождений. Эти различия были более чем существенными еще столетие назад — вплоть до сосуществования «зеркальных вариантов» значений в национальных языках. Сами эти понятия были введены в активный язык науки и в лексику образованных классов по мере распространения идей Просвещения (во Франции, Великобритании и Германии почти одновременно, а в России несколько позже) и разными путями — путем заимствований из одного языка в другой, из одной научной школы в другую. Отсюда неизбежно возникающие разночтения, наложения смыслов, что было связано, прежде всего, с конкуренцией авторских теорий. Конечно, эти семантические различия частично стираются со временем в силу повсеместного повышения общеобразовательного ценза (во всем мире образовательные стандарты постоянно сближаются, а эффекты «конкуренции школ» уходят на второй план, поскольку только немногие из них входят в «образовательный минимум»), но «память национальных языков» сохраняет предшествующий опыт. Перипетиям и особенностям «освоения» европейскими языками этих терминов и, прежде всего, слова «цивилизация» посвящена обширная литература, восходящая к сравнительным исследованиям Э. Бенвениста⁷.

К этому следует добавить, что совершенно по-особому тема культурного и цивилизационного развития преломляется в языке

⁶ Мнемонические техники — специальные приемы и способы представления информации, облегчающие ее запоминание и увеличивающие объем запомненной информации.

⁷ Бенвенист Э. Цивилизация. К истории слова // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. — 407 с.

политики и речи миллионов людей, подверженных политической индоктринации. В этом случае происходит скрытое от постороннего взгляда превращение общеизвестных понятий в идеологемы — особые императивные формы коллективного мышления, своеобразные алгоритмы мышления и поведения, подчиняющие сознание человека той или другой политической идеологии. Как мы увидим позднее, это неявное превращение самым существенным образом сказывается на функционировании концептов и терминов в языке документов стратегического планирования, законов и подзаконных актов, развода, казалось бы, единые понятия по разные стороны барьера, с одной стороны которого многозначность рабочих терминов не только допускается, но и культивируется (лексика гуманитарных и философских наук), а с другой стороны, расценивается как порок, требующий устранения и фиксации (законотворчество и практика законоприменения).

Кстати, сами авторы культурологических и цивилизационных теорий все в большей мере заинтересованы не только в их продвижении в своей профессиональной среде, но и в популяризации среди широкого круга читателей и сознательно используют все типы обоснования. Заметим, что в книге «Открытие и обоснование» Никитин Е. П. подметил, что открытие не завершается и не может завершиться его обоснованием, поскольку обоснование — не что иное, как «средство создания новых феноменов не только познавательных, но и нравственных, и эстетических»⁸. Эту мысль можно дополнить указанием на идеологические и политические феномены. Ярким примером могут служить работы С. Хантингтона, которые посвящены природе культурных противоречий, межкультурных разломов и конфликтов в современном мире и прямо рассчитаны, во-первых, на внедрение определенных идеологических установок в политический и геополитический дискурс, а во-вторых, на политическую индоктринацию массовой аудитории и, как следствие, на вытеснение и замену одних концептов другими в разговорном языке.

Таким образом, в большинстве случаев авторские концепты, введенные в научный оборот, даже в научном сообществе часто отождествляются с так называемыми общенаучными понятиями или обыденными представлениями, а также с лексикой из «политического новояза». Соответственно, термины, закрепленные в законодательской практике, подменяются скрытыми наукообразными идеологемами или откровенными эвфемизмами, хотя восприни-

⁸ Никитин Е. П. Открытие и обоснование. М. : Мысль, 1988, С. 209.

маются как строго научные понятия. Да и все другие значения и смыслы, приоткрывающиеся только в речевой практике, тут же перемешиваются до стадии полной неузнаваемости. Это легко обнаруживается даже в тех случаях, когда мы анализируем тексты какого-либо автора, пишущего о культуре и цивилизации.

Своеобразное понимание этой проблемы, которое позволило совершенно по-новому увидеть многие ее аспекты, предложил Дж. Оруэлл. В 1949 году вышел в свет его роман-антиутопия «1984», в котором в гротескной форме демонстрируется, до чего может довести доминирование политического языка (новояза) над языком науки и современным литературным языком (староязом). Окончательное вытеснение «традиционных языков» новоязом, по прогнозу Оруэлла, завершится к 2050 году. Как бы фантастично ни выглядели эти прогнозы, в них, несомненно, проглядывают реальные процессы, протекающие во всех языках мира. Что же будет означать такая «победа» для человека и общества? По определению Оруэлла, в этом случае произойдет необратимое изменение сознания, когда сама *мысль станет невысказанной*. Отличие новояза от всех других языков в том, что его словарь не увеличивается, а динамично и последовательно сокращается: чем меньше выбор слов, тем меньше искушение совершить «мыслепреступление», т. е. просто задуматься. А если полностью запретить их многозначность, сведя все богатство смыслов к одному, закреплённому в соответствующем словаре (для этого лучше подходят заимствования из других языков), то на заключительной стадии «членораздельная речь будет рождаться непосредственно в гортани, без участия высших нервных центров».

Задумаемся, разве сейчас не происходит на каждом шагу такая подмена слов и понятий? Разве не наполняется наша речь новоизобретенными словами и понятиями, несовместимыми со здравым смыслом? К примеру, только в последние годы в язык СМИ вошли такие выражения, как «однополярный мир», что противоречит законам физики, из которой заимствована смыслообразующая метафора. Тоже можно сказать и о неологизме «гуманитарная миссия» (применительно к бомбардировке Белграда авиацией США и стран НАТО) и «принуждение к миру» (вторжение в Ирак и Ливию), когда правильнее было бы говорить о преступлениях против человечности и цивилизации. А чего стоит именование террористов, повинных в геноциде целых народностей, повстанцами. И подобные абerrации массового сознания целенаправленно осуществляются сегодня не кровавым палачом Пол Потом, уничтожившим не только интеллигенцию, но и большую часть населения Камбоджи,

а руководителями современных государств, называющих себя цивилизованными. При этом своих жертв они называют варварами. Впору вводить понятие «варварство цивилизаторов»... Неужели этих доводов недостаточно, чтобы поставить, наконец, барьер для механического заимствования чужеродной политической и законодательной лексики?

Но вернемся к поиску метода, который позволит каждому из нас пробиться через барьеры между языком политики и языками наук, языком законотворчества и языком повседневного общения, который впитывает в себя порой самые несовместимые смыслы. Существует ли способ соединить несоединимое хотя бы в устоявшихся представлениях о культуре и цивилизации, если за каждым упоминанием стоит та или иная концептуальная схема, а за ней — либо давно сложившаяся научная школа, опирающаяся на армию адептов, либо языковые нормы (узус), либо идеологемы новояза, вошедшие в сознание и подсознание нескольких поколений. И среди этого нагромождения проблем особняком стоят проблемы определения норм использования терминов в законотворчестве, которые чаще всего даже не привлекают внимание, во всяком случае, в том контексте, о котором мы говорим.

Думается, для начала следует задаться вопросом: насколько это наслоение смыслов, которое можно назвать «многосмыслием», вредит человеку и насколько оно полезно? Что это — болезнь, которую надо лечить насаждением *единомыслия*, или норма? Все зависит от целей языковой и культурной политики. Если мы готовим миллионы людей, которых А. С. Панарин с мягкой иронией называл «людьми заёмного текста», то такое многосмыслие опасно и разрушительно. Оно мешает отличать «правильные ответы» от заведомо «неправильных» даже в тех случаях, когда «правила» устанавливаются произвольно и применительно к конъюнктуре. Заметим, что на прививку и развитие такой способности были направлены едва ли не все образовательные реформы последнего времени в «цивилизованном мире» и, увы, в России.

Уточним, кого именно Панарин называл «людьми заёмного текста». Так он именовал специалистов-интеллектуалов. В том числе и своих коллег, «не замеченных в диссидентстве» и привыкших к регулярной «смене политических акцентов и оценок». В этом определении не было и намека на осуждение, поскольку сама способность

к идеологическому лавированию (колебания вместе с линией партии) входила в перечень служебных обязанностей ученых и преподавателей общественных наук. Подобные обязанности не только не скрывались, но и были приравнены к требованиям служебного соответствия.

В своих рассуждениях Панарин основывался на семиотике Ф. Соссюра, «...утверждавшей полную автономность обозначающего (текста) от обозначаемого, что дает нам ту методологию, без которой мы будем просто не в состоянии понять все вторичные модернизации стран не-Запада, равно как и самосознание и деятельность направляющих эти модернизации элит. <...> В деятельности этих людей воспроизводится один загадочный парадокс: они с неистовой, фанатичной последовательностью следуют заимствованным на стороне “великим учениям” — текстам, столь же упрямо отрицающая права окружающей социальной действительности прямо, помимо текста заявить о себе или хотя бы добиться коррекции текста в соответствии с местной спецификой. Иными словами, модернизационные элиты осуществляют ту самую процедуру освобождения знака от референта, которую рекомендует структурная лингвистика Ф. Соссюра».

Но не следует думать, что такая практика была свойственна только и исключительно советскому «тоталитарному режиму» с его политическими и интеллектуальными элитами, где функции «генераторов знаний» были механически переданы «проводникам» — все тем же хранителям и охранителям известной только им истины. Соответственно, функции «проводников» возлагались на ученых и преподавателей, которых с гордостью так и называли — «проводниками единственно правильной идеологии». В эпоху идеологической конфронтации аналогичные требования предъявлялись и к «профильным» представителям научного и педагогического сообщества всех ведущих западных стран, а различия заключались преимущественно в списке авторов, рекомендованных для изучения и введения в научный оборот, также в государственной поддержке многообразия конкурирующих школ, что, конечно, не избавляло их от проверки на лояльность. Это отличие западной социально-политической мысли было продиктовано существованием исторически сложившейся многопартийной системы.

Надо ли говорить, что подлинными мотивами, которыми руководствовались реформаторы в период становления в России многопартийной системы, была культурная и цивилизационная унификация (а также языковая и идеологическая)? Если же наша

цель — пробуждение и стимулирование навыков самостоятельно-го критического и ассоциативного мышления, то работа с «перегруженными понятиями» и словами, которые не сводятся к терминам, — это подарок судьбы, стимул для рождения новых идей, отражающих реально происходящие в мире события. Как подметил когда-то М. Хайдеггер, человек нуждается в том, чтобы вернуть слову смысл, а «это может означать только одно: определить смысл слова заново. ...Мы говорим намеренно <слова>, а не <термины>, чтобы подчеркнуть, что сутью и жизнью языка всегда правит историческое событие»⁹. И действительно, мы живем в «событийном мире», когда события — и подлинные, и сфабрикованные (грань между ними чаще всего невозможно провести) молниеносно становятся доступны миллионам людей, что изменяет их отношение к базовым концептам, да и сами концепты. Иногда эти изменения носят кратковременный характер, а иногда происходит их полная переоценка.

Способность «вычитывать смыслы», воспринимать и точно фиксировать контекстуально возникающие значения, а также узнавать (атрибутировать) авторские концепты особо должна цениться в исследовательской и педагогической, аналитической и экспертной работе. Это умение требует в качестве главной предпосылки *уважения к концептуальному разнообразию*, которое останется неустранимым во все времена (кроме тех, когда в науке не допускается разномыслие и «отсебятина»), что, конечно, не исключает поиск инвариантных, непреходящих смыслов, которые необходимы в любой коммуникации среди «разно-образованных» людей. Не менее важная предпосылка — признание того факта, что даже самые образованные люди с трудом замечают границы, отделяющие язык науки (языки различных научных дисциплин) от языка массового образования, а то и другое — от языка публичной политики и обычной повседневной речевой практики, где происходит «смешение языков» и царствует «детерминализация».

В научном дискурсе узкие профессионалы располагают уникальной возможностью использовать концепты особого рода. Когда мы говорим о концептах, то имеем в виду особый класс понятий, как бы несущих на себе особый знак или «пробу», наподобие той, которую мы видим, например, на золотых и серебряных изделиях или слитках. Этот символ, который сразу прочитывается знающим чело-

⁹ Хайдеггер М. Время и бытие : Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 210, 243.

веком, — не что иное, как свидетельство о принадлежности концепта ко вполне определенной авторской концепции, конкретной теории или научной школе. Аналогия подобных концептов с дорогими изделиями становится более приемлемой, если вспомнить и о «руке мастера», а также об известности его имени среди ценителей. Точно так же, как «мировое хождение» имеют далеко не все «клейма», так и научные имена, авторские теории и национальные школы имеют различный «вес» в научном сообществе, что во многом зависит от политики государства, которое желает защитить свое «пространство смыслов».

По этой причине в большинстве случаев специалисту, говорящему о культуре и цивилизации, достаточно упомянуть, какую определенную теорию он имеет в виду применительно к тому или иному конкретному случаю — будь то концепция культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, позиция О. Шпенглера или взгляды кого-то из его интерпретаторов). Такого упоминая с указанием, в какой степени вы разделяете данную концепцию, как правило, бывает достаточно, чтобы устранить основную часть возможных «разночтений» и споров. Знания такого рода не требуют от их носителей безусловного признания их истинности, что существенно снижает риск подмены понятий. В результате если дискуссия и возникает, то сразу же приобретает конструктивный и деловой характер. Полной пародией на дискуссии такого типа могут служить телевизионные полит-шоу, в которых наряду с учеными высокого класса и подготовленными законодателями на равных участвуют полные профаны и провокаторы, что «подогревает» аудиторию, а также не только профанирует массовое восприятие серьезных проблем, но качественно изменяет культуру ведения профессиональных дискуссий и экспертной работы.

Однако ситуация резко меняется, когда речь заходит о процессе распространения и популяризации научных знаний, а тем более о различных уровнях, моделях и этапах образования, где с необходимостью происходит адаптация знаний и унификация концептов, а следовательно, и возникает искушение подмены понятий. Если, к примеру, в научной работе ссылка на обезличенную словарную статью нежелательна, то в образовательном процессе и в рамках просветительской деятельности или «самопросвета» именно словари и (в лучшем случае) хрестоматии становятся основным источником пополнения знаний. Даже в сфере профессионального образования в обороте находятся преимущественно так называемые общенаучные понятия, которые, с одной стороны, выполняют множество

необходимых функций, обеспечивающих коммуникацию, но, с другой стороны, подменяют концепты, искажая до неузнаваемости исходные смыслы.

Даже новейшие энциклопедические словари ограничиваются набором крайне упрощенных схем, в соответствии с которыми понятия культуры и цивилизации постоянно подменяются, а под цивилизацией понимается, к примеру, «следующая за варварством ступень культуры, постепенно приучающая человека к плановым, упорядоченным совместным действиям с себе подобными, что создает важнейшую предпосылку культуры». И эта цитата — далеко не худший типовой образец производства «общенаучных понятий» из узко понятых педагогических соображений («чтобы было просто и понятно»). По сути, если продолжить образный ряд, который мы открыли сравнением концептов с золотыми изделиями, «словарные знания» и общенаучные понятия, эксплуатируемые в системе образования и просвещения, можно уподобить бумажным деньгам, которые в большинстве случаев делают возможными общение и «обмен знаний». Риски, связанные с использованием такого рода «заменителей концептов», снижаются при условии, что существует «золотое обеспечение», некое хранилище точных значений понятий, а «пользователи знаний» помнят или хотя бы догадываются о его существовании, хотя ни разу и не бывали в «хранилище подлинных ценностей».

Совершенно иная картина возникает в том случае, когда в спор по культурной и цивилизационной проблематике включаются публичные политики, что сегодня и происходит. Их определения, оценки и подходы становятся общеизвестными и более того — они оказывают несомненное влияние и на узус, и даже на язык тех научных дисциплин, которые слишком близко находятся от «политической кухни» и «фабрик мысли», работающих в политической сфере. Если продолжить сравнение с денежной системой, то здесь можно говорить о ценных бумагах, курс которых напрямую зависит от стабильности того или иного режима, уровня взаимопонимания между основными акторами политики, а также от сиюминутной политической конъюнктуры и «спекуляций на рынке ценных бумаг». Ценность концептов, функционирующих в языке публичной политики, действительно напоминает ценность облигаций, которые зависят от рыночной конъюнктуры и могут быть в одночасье обесценены. В политике это связано, например, со сменой курса или режима, колебанием уровня доверия к тем или иным органам власти и т. п.

Вместе с тем иногда политические концепты бывают не менее содержательными и глубокими, чем научные, поэтому зачастую они активизируют научное осмысление реальных проблем. В частности, такие политические концепты, как качество жизни или устойчивое развитие, которые были созданы экспертами и политтехнологами как системные показатели для сравнительной оценки разнокачественных характеристик уровня развития различных стран и регионов, требующих соединения методов из самых различных областей знания. Они обладают, несомненно, намного большим методологическим потенциалом, чем многие научные теории качества жизни и устойчивого развития. Во-первых, это происходит в силу того, что эти политические концепты тесно увязывают природные и социальные факторы, а также соединят культурные, экономические и экологические показатели, которые, кстати, в политической концепции устойчивого развития выделяются в качестве равнозначимых и базовых. В то время как в научных теориях, как правило, выделяются отдельные признаки и связи, важные для понимания отдельных процессов, но неприменимые к решению конкретных и унифицированных политических задач.

Ярким примером ценности политических концептов, которые наиболее близки к глубинным научным теориям и влияют на государственную культурную политику в ее национальном и международном измерениях, является тенденция, наиболее заметно проявившаяся в последние два десятилетия. Она характеризует политический дискурс ряда стран, которые все в большей степени осознают себя как государства-цивилизации. Речь идет о России, где эта тематика вошла в политический оборот с приходом В. В. Путина, а также о Китае, лидер которого постоянно говорит и о цивилизационной специфике своей страны, и об интеграционном потенциале цивилизационного похода в региональной геополитике на примере стран БРИКС. Не менее явно эта тенденция выражена в политическом языке Индии, где тема единства в культурном и цивилизационном многообразии актуальна со времен М. Ганди.

Как уже говорилось, качественно иные требования мы предъявляем к «тезаурусу законодателя» и «языку регламентации», на котором составляются документы стратегического планирования, законы и подзаконные акты и широкий круг других документов, регламентирующих механизмы управления в любой сфере деятель-

ности, в том числе и в сфере отраслевой политики. В нашем случае речь идет, прежде всего, о концептах государственной культурной политики, где формируется система общих установок, рассчитанных на широкую аудиторию и общедоступных для понимания. При этом адресаты, к которым обращены подобные документы, идущие обычно в связке с законодательными актами (федеральными и региональными), — это и специалисты различного профиля, работающие в органах исполнительной власти, и другие чиновники разного уровня, в компетенцию которых входит все то, что они относят к культурной сфере. По этой причине подобные документы не допускают и не должны допускать вольных интерпретаций. Здесь вообще нет места теоретическим изыскам, а тем более неустоявшимся гипотезам, даже самым продуктивным, и конкурирующим идеям, составляющим самую ценную часть научного знания. Здесь, как правило, нет даже отсылок на фундаментальные работы и упоминания научных школ.

Этими же соображениями обусловлены и жанровые стилистические особенности «языка регламентации», который перенасыщен канцеляризмами и оборотами, неприемлемыми для языка науки (столь же, кстати, далекого от живого разговорного языка), но привычными для массового восприятия и, что особенно важно, для слуха исполнителей всех уровней. Категориальный аппарат отраслевой политики (в том числе и культурной политики) в идеале должен быть не культурологической энциклопедией, и даже не «школьным словарем», а тем более не языком научных статей и монографий, а понятным руководством к действию для «аппаратчиков». В их задачи входит «кураторство» отдельных направлений культурной жизни страны и регионов, а также отдельных проектов, если эти направления и проекты находятся в поле зрения государства и пользуются поддержкой соответствующих госструктур.

При этом нас часто раздражает откровенная «ненаучность» регламентирующих документов, включая сюда политические хартии, концепции, доктрины и отраслевые стратегии. И напрасно: причина некоторой «узколобости» таких текстов заключается вовсе не в том, что в их разработке не принимают участие ученые, как это может показаться с первого взгляда. В действительности именно ученые, причем узкие и вполне достойные специалисты, почти всегда (примером может служить многоуровневое обсуждение экспертным сообществом проекта «Основ государственной культурной политики» в 2014 году) выступали и выступают в роли главных инициаторов, а также ведущих экспертов при подготовке концепций и проектов

документов такого рода. Они же активно участвуют в написании рабочих вариантов. Другие ученые выступают в роли наиболее строгих и принципиальных экспертов, оппонентов и критиков. Именно они лидируют и в процессе обсуждения, и в ходе популяризации итогового документа.

Другой вопрос: кто их слушает? Даже те немногие специалисты, которые непосредственно участвуют в инициации разработки и в процессе подготовки проекта того или иного отраслевого документа стратегического планирования, политической доктрины или концепции, далеко не всегда могут узнать свои же предложения в том варианте, который появляется в итоге совместной работы ученых и чиновников. Многим ведущим экспертам и аналитикам не раз приходилось испытывать это ошеломляющее ощущение: вроде бы стоит гордиться, что именно ты инициировал и даже писал базовый текст того или иного закона, проекта стратегии, доктрины или программы. Но ты никому не скажешь об этом, поскольку стыдно признаться. Этот стыд возникает сразу после того, как твой текст пройдет все стадии согласования и утряски в аппаратах профильных министерств и ведомств. После этой процедуры собственное детище уже не узнать, поскольку его «дополнили» новыми установками, а вычистили из него именно то, что представляло хоть какую-то ценность в научном плане или несло в себе элемент новизны, но дополнили набором новых качеств — однозначностью, ярко выраженной нормативностью и конвенциональностью...

То, что мы не знаем конкретных имен и списка авторов, не меняет сути дела, но заставляет задуматься над тем, в чем причина такой анонимности. Думается, она заключена не только в несоответствии конечного продукта первоначальному замыслу, а тем более — не в скромности или природной застенчивости авторов и явно не в боязни критики. Причина — в специфике и статусе той политической аналитики, которая непосредственно включена в политическую деятельность, где она занимает весьма скромное место и выполняет сугубо служебную функцию, явно не центральную.

Ученые — это всего лишь приглашенные консультанты, которые приходят и уходят, как, впрочем, и госсоветники и прочие политические чиновники, координирующие работу над проектом: они тоже «приходят и уходят», и связаны с данным проектом чисто ситуативно, по поручению, а потому и не афишируют свою роль. Таким образом, большая часть доктринальных документов остается безликой или обезличенной. Исключения бывают, но это большая редкость, что особенно заметно в нашей отечественной традиции.

Однако именно благодаря этой анонимности, непривычной для научной общественности, где ценится именно авторство, сразу обнаруживается главный парадокс: почти любое из требований, обычно предъявляемых к научным работам, оказывается чужеродным при оценке политического документа. Сказанное вдвойне верно применительно к проекту документа стратегического планирования, претендующего на статус «основ политики» в той или иной ее отрасли. А такая отрасль, как государственная культурная политика или, точнее, политика в области культуры, — не исключение, а подтверждение правила.

Для этой работы малоприменимы такие критерии качества, как, к примеру, наличие новизны и оценка личного вклада, даже сама идея авторства в этом случае чаще всего теряет смысл, не говоря уже о наличии признаков открытия или о запрете всех форм скрытого заимствования, без указания источников и авторства используемых идей. Отсюда и совершенно особые, а иногда и взаимоисключающие требования к анализу текста проекта и его критике — как со стороны научного сообщества, так и со стороны политически активных граждан.

Эти обстоятельства редко учитывают как политики, в том числе и те, кто инициировал разработку, к примеру, «Основ государственной культурной политики», так и специалисты, участвующие в качестве экспертов в научном и аналитическом обеспечении принимаемых решений. Редко учитывают их и сами деятели культуры, больше других заинтересованные в том, чтобы документ, регламентирующий отношения в сфере государственной культурной политики, не остался пустой декларацией и не включал в себя деструктивные установки. А такой риск чрезвычайно велик, о чем свидетельствует вся история отечественной, да и зарубежной государственной политики в области культуры: вмешательство политики в культуру всегда чревато большими издержками и рисками.

Самое общее представление о культуре и цивилизации, которое можно рассматривать как инвариантную схему, заключается в том, что под культурой понимается не только культура в узком значении этого слова, но и система социальных и государственных институтов, призванных обеспечить функционирование, жизнеспособность и способность к самовоспроизведению всех основных сфер культурной деятельности. Соответственно под цивилизацией понимается наиболее устойчивая форма человеческого сообщества, которая объединяет различные этнические группы, народы и нации, а в ряде случаев и государства. Объединяет на основе особенностей,

позволяющих сохранять социокультурные отличия (от других цивилизаций) и поддержать преемственность многих поколений. Среди качеств, воспроизводящих самобытность и уникальность, обычно указывают общую религиозную и языковую принадлежность.

В этом случае речь идет о так называемых локальных цивилизациях, в том числе и государствах-цивилизациях — как существующих ныне, так и исчезнувших, оставшихся в истории общечеловеческой цивилизации. Как уже отмечалось, Россия относится к числу немногих государств-цивилизаций (в одном ряду с Европой, Индией и Китаем), что предопределено ее географическим положением и историческим развитием, масштабами и богатством природных ресурсов, этническим и конфессиональным многообразием, уникальным опытом межэтнического взаимообогащения, который и служит гарантом сохранения целостности России как уникального культурно-природного синтеза.

Существует огромное количество теоретических версий, по-разному оценивающих общее число «живых» и «мертвых» цивилизаций. Причем каждая из них, как правило, заслуживает уважения, так как в основу предлагаемых классификаций закладываются различные критерии, а точнее, группы критериев, что в итоге только углубляет наше представление о сложной природе цивилизаций. При решении различных задач возникает закономерная потребность в различных измерениях объекта. К примеру, А. Тойнби в процессе становления своей концепции цивилизаций начал с выделения сотни цивилизаций, а по ходу исследования, уточнения и добавления критериев сократил число самостоятельных цивилизаций до 21, а на заключительной стадии — до 13.

Такое разночтение лишь усугубляется или, точнее, расширяется в последние годы, когда классификация цивилизаций стала востребована геополитикой. Согласно классификации С. Хантингтона — автора, который больше других способствовал политизации этой темы, — следует выделять среди «живых» цивилизаций западную, исламскую, индуистскую, синскую, японскую, латиноамериканскую, православную, буддистскую, африканскую.

Эта версия встречает, как, впрочем, и любая другая, массу возражений, что лишь поддерживает дискуссию и конструктивный поиск новых подходов. К примеру, В. А. Лепехин дополняет перечень критериев. Кроме обширной территории и комплиментарности проживающих на ней этносов, которые связывает осознание своей общецивилизационной идентичности, закреплённой и оформленной соответствующими правовыми нормами и административно-

политическими (государственными и иными) институтами, общих систем ценностей и экономических укладов, он включает наличие некоего «мирового проекта», стратегии развития. «Последний признак предполагает значимое участие данного цивилизационного образования в мировых делах в качестве реальной “геополитической субъектности”».

На этом основании число цивилизаций сокращается, по мнению автора, до пяти: североамериканская, западноевропейская, китайско-конфуцианская, индуистская и российская, поскольку «Исламский мир, Латинская Америка и Африка не обладают необходимой для наличия общего мирового проекта целостностью, а потому объективно не могут и в ближайшие годы, похоже, не смогут стать гомогенными, а значит — влиятельными цивилизационными общностями. В том же Исламском мире слишком сильны противоречия по самым разным — этническим, экономическим и даже религиозным — основаниям. А относимую иногда к ведущим трансрегиональным цивилизациям Японию, обладающую третьей в мире экономикой, нельзя отнести к числу основных не только по причине малой территории этой страны, но также по причине ее незначительной роли в мировой геополитике. В отношении западноевропейской и североамериканской цивилизаций нередко можно услышать мнение, что в настоящее время правомернее говорить уже о единой “западной цивилизации”». Подобная точка зрения не лишена оснований, однако в связи с тем, что в 2017 году в западном мире произошел раскол на сторонников и противников американской версии глобализации (следствием чего стали победа Дональда Трампа на президентских выборах в США, brexit в Великобритании и некоторые другие события), в отношениях США и стран западной Европы появилась линия на обособление и размежевание. Так что, по мнению В. А. Лепехина, пока следует говорить все же о двух разных цивилизационных образованиях: Северной Америке — с одной стороны и Западной Европе — с другой¹⁰.

Одно из требований к тезаурусу законодателя — обозначить границы того понятийно-культурного минимума, на основе которого

¹⁰ См: *Лепехин В. А.* Обоснование актуальности антропологического похода в исследовании русско-российской цивилизации // *Образование. Наука. Научные кадры.* 2014. № 12. С. 278.

вырабатываются стандарты культурной и образовательной политики государства. Но возникает вопрос: что мы вкладываем в понятие «минимум» применительно к целым областям знания или культуры — материальной и духовной? Сопоставим только три значения этого ключевого слова.

Первое значение: минимум — это основы знаний и базовые навыки, доступные для всех, к кому обращен документ, то есть для самой широкой аудитории, а еще точнее — и для профессионалов, и для профанов. Среди профанов, к слову, больше всего узких специалистов, которые ничего не видят и не желают видеть за пределами своей профессиональной деланки. Этим профан отличается от дилетанта, знающего о своей неполной компетентности и потому стремящегося перейти барьер незнания. По этой причине среди первооткрывателей так много дилетантов и так мало профанов.

Что должен и может включать в себя такой минимум, если авторы проекта документа (стратегии, концепции и др.) хотят добиться, прежде всего, максимальной социальной поддержки, согласия и единого понимания сути, целей и задач государственной культурной политики во всех социальных стратах? А эта цель и подразумевается, поскольку речь идет именно об основах, то есть о фундаменте согласия. Ответ не вызывает сомнений: в минимум входит набор тривиальностей, банальностей, общеизвестных мест, не вызывающих споров. Согласитесь, без этого минимума государственная политика не может обойтись, тем более политика отраслевая. К слову, почти все программные документы, определяющие стратегические цели отраслевого развития, как правило, должны соответствовать этому требованию чисто технологически: в противном случае «основы» будут работать не на консолидацию общества и не на наведение порядка, а на хаотизацию.

Второе значение слова «основы» принципиально отличается от первого — это фундаментальные основы мировоззрения, основы знаний, то есть те глубочайшие истины, которые по определению открыты и доступны далеко не всем. Это знания для избранных.

Но есть и еще одно, третье, значение, может быть, самое важное особенно для нашего случая, когда речь идет не просто о государственной политике, а именно о политике в сфере культуры и образования, которые в этом случае сливаются в единое целое. Основы в этом глубинном значении — это совершенно особый тип коллективного знания и результат самопознания, зачастую приводящий к тем же итогам, ибо открытие тем и отличается от изобретения, что под ним подразумевают объективные факты и закономерности.

Такие основы знаний, если они относятся к нормам поведения, называют *«максимы»*, то есть наиболее значимые жизненные установки разного рода и, прежде всего, нравственные, регламентирующие поведение человека. Для этого они должны соединять в себе, казалось бы, несоединимое: предельно глубокие истины, обычно передаваемые из поколения в поколение, предельно доступную форму их подачи и особую форму индоктринации, когда индивидуальные интенции человека — личные максимы — совпадают с коллективными максимами.

По этой причине доктринальные документы в сфере культурной и образовательной политики, в частности предлагаемый «Тезаурус законодателя», должны состояться в приемлемом «жанре минимума», а не максимума, т.к. в нем нет места нежелательному теоретизированию и «умничанью», а тем более морализированию, чуждыми духу делопроизводства. При работе над документами такого типа нормой является терпимое отношение к неизбежным при таком подходе стилистическим и даже логическим противоречиям, поскольку *эkleктика здесь вполне уместна и оправдана*. Дело в том, что многие документы государственного и особенно международного уровня — тексты соглашений, хартий, стратегий и прочее — отличаются иногда откровенной и вызывающей алогичностью. Назовем три основных причины.

Первая: подобные документы — итог компромисса между политическими акторами, а также между теми, кто участвует в подготовке соответствующих решений, и теми, кто их принимает. К примеру, в публичной политике — на выборах, на международных и межгосударственных форумах и совещаниях все большую роль играют так называемые однопоблемные движения, которые зачастую объединяют свои усилия (феминистские и «зеленые», этнокультурные и антиглобалистские движения, организации различных меньшинств и т.п.) и не упускают малейшей возможности укрепить свою позицию. Поэтому даже в документах, не связанных никоим образом с профильной тематикой этих движений, к примеру, в тех же декларациях и хартиях о защите биологического многообразия (флоры и фауны) находится место пункту о защите прав... женщин или сексуальных меньшинств.

Вторая причина: решения подобного уровня принимаются либо кулуарно, либо голосованием, но в любом случае в кругу непрофессионалов, то есть людей, далеких от узкой специализации в той или иной области знаний. Не будете же вы требовать, чтобы каждый член правительства или межпарламентской группы (а именно такие

люди участвуют в голосовании) был, как Леонардо, универсальным гением. Нет теперь таких уникалов и уже не будет. И это скорее хорошо, чем плохо: если бы гении принимали решения общим голосованием, было бы куда хуже.

Третья причина связана со статусом экспертов в системе власти: даже самые уважаемые среди них — те же ведущие ученые с «мировыми именами» — находятся на самой нижней ступени властной пирамиды: их приглашают, как уже говорилось, обычно лишь для того, чтобы повысить статус решения, которое принимается совершенно другими людьми и в другом месте. Ссылки на авторитет науки часто используются в политическом дискурсе, поскольку наука внушает доверие образованным людям, а частица этого доверия распространяется и на институты власти, и на политические решения, и на самих публичных политиков. Этот процесс — одно из звеньев *научной легитимации* политики. В подобной легитимации нет ничего плохого или предосудительного: даже если заинтересованность власти в науке носит внешний и циклический, корыстный и вынужденный характер, она открывает некоторую возможность для сотрудничества ученого и экспертного сообщества с политиками.

Экспертиза проекта закона или текста документа, который относится к разряду доктринальных, должна начинаться с выявления наиболее заметных методологических просчетов и незаполненных ниш. К нишам, если воспользоваться экологической терминологией, относятся не просто пробелы, отдельные лакуны или зияющие пустоты, а только те потери, где сама пустота губительна для всей системы. Такие пустоты можно сравнить с утратой какого-то незначительного или даже вредного (с точки зрения человека) вида или подвида живых существ. Но его вытеснение или замещение оборачивается зачастую распадом всей цепочки: извели, к примеру, комаров, а в результате сократилось или исчезло множество других, бесспорно «полезных» видов...

Как видим, даже такие «человеческие» критерии, как устоявшиеся представления о пользе и вреде, могут сослужить плохую службу, если забыть о границах нашего знания, расчлененного на специализированные «делянки». К тому же, как известно, свято место пусто не бывает: опустевшую нишу часто заполняет нечто инородное, несущее скрытую угрозу всей живой системе. Это пояснение принципиально важно, так как обычные пустоты есть и будут в любом документе, претендующем на определение базовых позиций, — это предопределено уже его заданным объемом и тем, что неподготовленная аудитория ни при каких условиях не воспримет

слишком глубокую детализацию. Критика пробелов, с одной стороны, является самой легкой частью экспертной работы, поскольку лакуны в принципе невозможно скрыть от глаз специалистов. С другой стороны, именно обнаружение пробелов, которые мы определили как пустующие ниши, особенно методологических пробелов, — самая трудная, но принципиально важная задача экспертизы. Особо должны настораживать пустоты, связанные с пониманием наследия, поскольку это ключевое понятие в государственной культурной политике.

Возвращение к цивилизационному подходу, признающему право каждой живой цивилизации, в том числе и русской, на сохранение самобытности и самостоятельное развитие, — одна из главных задач государственной культурной политики России.

Во-первых, культурное наследие нельзя толковать примитивно, сводя его к списку достижений, причем универсальных, хотя это распространенная практика. И здесь трудно преодолеть стереотипы. В действительности наследие — это не только то, что должно защищать, но и то, от чего должно защищаться. Чернобыль — это тоже наше наследие, ставшее общечеловеческим. И последствия техногенной катастрофы, и тот духовный Чернобыль, который опустошает ныне землю Украины, колыбели Русского мира, — это тоже часть нашего наследия, которое относится к разряду нематериального, но роль которого — и созидательная, и, как в данном случае, разрушительная — ничуть не меньше. Четко провести границу, отделяющую добро и зло, высокое и низкое, труднее, чем провести госграницы, поскольку те, кто не видит границы добра и зла, уничтожают общее культурное наследие...

Во-вторых, когда речь идет о наследии, особенно культурном и духовном, требуется более гибкая методология, учитывающая синтез культурного и природного наследия. Тот факт, что во многих документах эта тема вообще проигнорирована, обескураживает. Здесь сохраняется методологическая ниша, свидетельствующая о поверхностном понимании политических и культурных задач. Возникает ощущение, что авторы даже не слышали о требовании территориального подхода к изучению и защите наследия и ничего не знают о международной практике и теории системного подхода, который стал доминировать с начала 80-х годов и в мировой, и в отечественной науке, а также в экспертной работе. Напомню, что уже около 30 лет в России успешно функционируют Научный совет РАН по изучению и защите культурного и природного наследия (председатель — академик Е. П. Челышев), а также НИИ куль-

турного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. В. В. Путин на заседании Совета при Президенте России по межнациональным отношениям особо отметил высокий потенциал именно этого института. По мнению Президента, ресурс этого института «должен быть использован не только для сбережения и продвижения культурного, исторического потенциала русского мира, народов России, но и для патриотического становления молодежи, ее духовно-нравственного воспитания»¹¹.

В-третьих, когда мы говорим о наследии, следует смотреть шире, не упуская из виду проблему самого наследования — многомерного процесса передачи наследия, а также проблему наследников — подлинных и сомнительных, способных или неспособных принять и сберечь унаследованное. Кто они — наследники нашей культуры, нашей русской цивилизации? Здесь сразу обнаруживается еще одна зияющая ниша — речь идет о зарубежных соотечественниках как о наследниках, зачастую незаконно, против своей воли отделенных от отечества и ущемленных в самом праве наследования. Все хорошо понимают, что страна наша искусственно разделена, а русский народ превращен в самый крупный в мире разделенный народ. Почему о соотечественниках и о Русском мире нет ни слова даже в «Основах государственной культурной политики»?

Один из ударов по русской цивилизации — принудительный отказ от русского языка на Украине как якобы «имперского языка», что означает фактический запрет на право наследования, запрет на основную часть культурного и духовного наследия предков. Итог — тотальное разрушение всего единого языкового и культурного пространства Русского мира. За этим следует демонтаж цивилизационных контактов и всех человеческих связей.

Упомяну и еще об одной зияющей нише — о правовых и чисто технологических аспектах поддержки культурных программ и проектов. В действующем законодательстве существуют разные формы поддержки некоммерческих организаций, хотя их выбор не идет в сравнение с теми методами, которые давно закрепились в большинстве развитых стран. В нашем законодательстве интересы некоммерческих организаций, которые имеют шансы на получение хоть каких-то грантов и льгот от государства, прописаны выборочно и только по трем направлениям.

¹¹ Цит. по: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46144> (дата обращения : 10.02.2020).

О каких направлениях идет речь? Поддержка осуществляется, во-первых, «в интересах развития институтов гражданского общества», во-вторых, указаны некоторые льготы в области благотворительности, а в-третьих, в области пропаганды спорта и здорового образа жизни. Как видим, о культуре нет даже упоминания! А откуда при таком подходе возьмутся хотя бы минимальные ресурсы на культурные проекты, каким образом будут наполняться гранты? Источников не так много — это поступления из государственных и негосударственных, частных фондов, имеющих льготы. Но именно этого механизма (льготы или освобождение от налогообложения) и не предусмотрели, а авторы «Основ» об этом даже не вспомнили. Нет и замысла создания соответствующего правового и организационного механизма.

Однако политические циклы скоротечны, а доктринальный уровень политического планирования в нашей практике почти не связан ни с действующим законодательством, ни с законопроектами даже на уровне тезауруса, не говоря уже об идейном содержании и ресурсном обеспечении. Напомню в этой связи слова Президента России, произнесенные им во вступительном слове на заседании президиума Государственного совета по вопросам оздоровления экологической обстановки в России 4 июня 2003 года по поводу «Экологической доктрины РФ», принятой еще в 2002 году, но так и не ставшей, по его мнению, руководством к действию. Касаюсь этой темы, поскольку она теснейшим образом связана с культурной политикой. По оценке Президента, хотя бы и через десятилетие, но следует навести в этой сфере государственной политики элементарный порядок, и «наконец... провести инвентаризацию федеральных и региональных экологических программ, в том числе и на их соответствие Экологической доктрине, утвержденной Правительством Российской Федерации». А начать следует с развития экологического образования населения, поскольку «Основы экологической культуры должны закладываться, конечно же, уже в школе»¹².

К сказанному следует добавить, что культурная жизнь никоим образом не вмещается в русло отраслевых доктрин и внешних «писанных» норм, в том числе законодательно оформленных и регламентирующих все то, что может видеть российское политическое сознание. Если называть вещи своими именами, то это сознание еще и не самосознание в полном смысле слова, а пока еще механи-

¹² Цит. по: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22020> (дата обращения : 10.20.2020).

ческое усвоение заемного опыта. Политическое сознание лишено рефлексии и еще робко осваивает традиции русской мысли, без чего реальная политика будет жить заемными смыслами, не имеющими никакого отношения к судьбе Отечества.

И в заключение следует сказать, что качество доктринальных документов — это лакмусовая бумажка, показывающая уровень политической культуры нашего общества и зрелось политической системы. В идеале и политика должна быть культурной — публичная и отраслевая, внутренняя и внешняя, федеральная и региональная (субнациональная)...

Тезаурус законодателя как проект: задел и образцы, основные принципы и технология работы

1. Научные и организационные заделы

Тезаурусный подход к законотворческой деятельности в сфере культурной политики, обоснование которого приведено выше, может быть применен и к другим отраслям политики, и к законотворчеству в целом. Он должен быть системным и пронизывать все уровни и звенья — и при подготовке законов и подзаконных актов как на федеральном, так и региональном уровне, и при работе над основными доктринальными документами, регламентирующими изнутри законотворческий процесс — например, отраслевыми концепциями и доктринами. Возможный образец — тезаурус УНБИС (Библиографическая информационная система ООН).

Элементы такого подхода можно найти и в российской парламентской практике — к примеру, они присутствуют в законотворчестве в тех случаях, когда прописывается категориальный аппарат отдельных законов, концепций или доктрин. Поэтому речь идет, прежде всего, о создании «сквозного» перечня наиболее значимых терминов по каждой отдельной отрасли и о наиболее общих категориях, которые присутствуют в нескольких или во всех отраслях с детальным описанием основных концептов, стоящими за терминами, и выделение тех значений, которыми оперирует законодатель в тех или иных случаях. Этот «сквозной реестр» позволит ориентироваться в правотворческой лексике с учетом уже «занятых смысловых ниш», т.е. учитывая традицию словоупотребления, а в случае очевидных расхождений вносить необходимые поправки в действующее зако-

нодательство. Но главная задача тезауруса законодателя — помощь в работе над новыми законами, поскольку он должен не только вооружить отдельными категориями, но и раскрыть их смысловую связь, выделить «семантические гнёзда», характерные для законотворчества.

Что же касается культурной политики, то прежде, чем составлять тезаурус законодателя, необходима колоссальная работа по тезаурусу мировой многонациональной отечественной культуры. Первые походы к решению этой задачи просматриваются в ряде исследовательских проектов и инициатив. Примером может служить «Тезаурусный анализ мировой культуры — серия их 4-х сборников научных трудов Московского гуманитарного университета под общей редакцией профессора Вл. А. Лукова (Москва, 2005–2006 гг.). По словам А. Лукова — инициатора проекта, осуществление тезаурусного анализа мировой культуры — грандиозная научная задача, для осуществлений которой потребуется целая научная школа, и главная трудность на пути к ее решению — субъективизация современной науки: и это — «не просто дань времени, но и естественное следствие развития культуры. Как же работать с этой субъективной составляющей, сохраняя при этом требования, присущие научно-ориентированному знанию? ...Изучение этих процессов и вытекающих из них следствий может вестись с применением разрабатываемого в последние годы тезаурусного подхода. Он показал свою эвристичность в культурологии, в рамках которой формируется тезаурология — своего рода субъективная культурология»¹³. Исходный принцип тезаурусного подхода — признание активности субъекта социального действия (или иными словами — социальной субъектности) в качестве решающего фактора, определяющего содержание и формы социальной жизни.

По мнению А. Лукова, обращающего к концепции П. Бергера и Т. Лукмана, тезаурусы лежат в основе социального конструирования реальности, если под социальным конструированием понимать не только описывающие его теории, но и саму эту деятельность: «В силу этого плодотворным оказывается использование тезаурусного подхода для осмысления и организации социального проектирования, где тезаурусом мы называем полный систематизированный состав информации (знаний) и установок в той или иной области

¹³ *Луков Вал. А., Луков Вл. А.* Тезаурусный анализ мировой культуры // Тезаурусный анализ мировой культуры. М. : Моск. гуманитар. ун-т, 2005. С. 3–4.

жизнедеятельности, позволяющий в ней ориентироваться. В тезаурусной концепции социального проектирования отразился более общий социологический принцип, который эффективно применяется в построении теорий относительно различных сторон и проявлений социальности. Суть принципа — в признании активности субъекта социального действия (или иными словами — социальной субъектности) в качестве решающего фактора, определяющего содержание и формы социальной жизни. Принцип этот хорошо известен, освящен в рамках разных научных парадигм и под различными обозначениями великими именами (среди них — и К. Маркс, и М. Вебер), но нередко встречается в слишком абстрактной форме, не позволяющей перевести его из сферы социальной философии в сферу социологических интерпретаций»¹⁴.

2. Технология работы над тезаурусом

Работе над тезаурусом, которой, как уже говорилось, должна предшествовать масштабная программа по составлению тезауруса мировой и отечественной культуры, а на этой основе и тезауруса культурной политики — и государственной (федеральной и региональной, международной и национальной), и неправительственной. Следует учитывать, что неправительственная культурная политика играет все большую роль с учетом становления институтов гражданского общества и развитием неправительственных организаций культурного профиля, некоторые из которых носят международный характер и стали заметными акторами в инициации, подготовке и принятии решений ведущими всемирными организациями, включая ООН и Юнеско.

¹⁴ Там же. С. 6–7.

Беспалова Т.В., Минаков А.Ю., Васильев Г.Е.

**Анализ основных документов
стратегического планирования Российской Федерации
в сферах образования, культуры,
государственной национальной политики
и национальной безопасности**

Распад Советского Союза нанес России громадный цивилизационный и демографический урон, когда около 25 миллионов русских оказались за пределами Российской Федерации, «русские оказались самой большой разделенной нацией в мире сегодня»¹. Восприятие Родины в современный период развития российской государственности, несомненно, шире государственных границ Российской Федерации, так как связано с решением «русского вопроса» на территории всего постсоветского пространства. Для выявления глубинных причин возникших на постсоветском пространстве конфликтов, имеющих цивилизационный характер (Донбасс, Приднестровье и др.), и их разрешения, на наш взгляд, необходимо использование цивилизационной теории для анализа ситуации и выработки предложений в сфере государственной внутренней и внешней политики, в том числе для решения задачи защиты российских соотечественников. При анализе состояния и проблем государственной культурной политики и ее совершенствовании исторически необходимо обратиться к вопросу *цивилизационной идентичности России*, актуализировать идею Русского мира, ценности Русской (Российской) цивилизации, прежде всего применительно к стратегическим основам государственной политики Российской Федерации на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Полагаем, что для решения задачи по укреплению единства русского общества, а также задачи по интеграции разделенного русского народа необходимо развитие образовательной, культурной и научной деятельности на объединяющих многонациональный народ Российской Федерации основах. Не случайно в декабре 2017 года Президент России поручил Министерству образования

¹ Интервью В.В. Путина Оливеру Стоуну [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/politics/20170613/1496353896.html> (дата обращения : 15.04.2018).

и науки совместно с Министерством культуры РФ представить предложения о дополнении федеральных государственных стандартов общего образования разделом «Цивилизационное наследие России»².

Учитывая существенное влияние международных факторов на социально-экономические отношения, уместно привести официальную оценку состояния международных отношений в глобальном цивилизационном аспекте, отраженную в Концепции внешней политики Российской Федерации от 30.11.2016 года: «Конкуренция не только охватывает человеческий, научный и технологический потенциалы, но и все больше приобретает **цивилизационный характер, форму соперничества ценностных ориентиров**. В этих условиях попытки навязывания другим государствам собственной шкалы ценностей чреваты ростом ксенофобии, нетерпимости и конфликтности в международных делах и в конечном итоге могут привести к хаосу и неуправляемости в международных отношениях. Это выводит в разряд приоритетных задач предотвращение межцивилизационных разломов, формирование партнерства между культурами, религиями и цивилизациями, призванного обеспечить гармоничное развитие человечества» (п. 5 Стратегии).

Вполне прогнозируемо, что в случае если на государственном уровне не будет принята система мер по укреплению и защите российских традиционных духовно-нравственных ценностей и российской цивилизационной идентичности в сферах образования, культуры, просвещения, государственной национальной и молодежной политики, просвещения, телевидения, кинематографа, то в указанных сферах продолжится преобладающая в настоящее время тенденция игнорирования существенных духовно-культурных и цивилизационных особенностей России. А это прямо противоречит цели обеспечения национальной безопасности России.

Считаем, что использование цивилизационного и аксиологического подходов в сфере государственного управления, применение цивилизационной теории, в том числе в качестве одной из основ стратегического планирования Российской Федерации, является

² Перечень поручений Президента Российской Федерации от 2 декабря 2017 года по итогам заседания Координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей 28 ноября 2017 года, пункт 7 (Пр-2440, п. 7) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/56263> (дата обращения : 15.04.2018).

в настоящее время жизненной необходимостью для сохранения России как суверенного государства в условиях нарастания внешнеполитических и иных угроз.

Укрепление цивилизационных основ в сфере государственного строительства позволит повысить статус России в мировом пространстве, создать необходимые условия для укрепления единства российского общества, решения проблем русского и других коренных народов России, поможет преодолеть самые масштабные, в том числе и военно-политические угрозы в отношении России.

Каждая цивилизация исторически создает свою систему духовно-нравственных и культурных ценностей, которая выполняет ряд жизненно важных социальных функций, обеспечивая сохранение, защиту, воспроизведение и устойчивое развитие социальной системы в целом.

При анализе действующих документов стратегического планирования и законодательства Российской Федерации выявляются элементы (цели, задачи, принципы, приоритеты, подходы, правовые нормы), основанные на различных ценностных системах, что способствует возникновению противоречий при реализации соответствующих документов, приводит к размыванию традиционных ценностей, утрате российской идентичности и снижению эффективности реализации государственной политики во многих сферах.

Исходя из того, что приоритеты, цели, основные задачи, механизмы реализации государственной политики Российской Федерации в сферах государственного управления закреплены в соответствующих документах стратегического планирования Российской Федерации³, разработанных в порядке целеполагания и програм-

³ Согласно Федеральному закону от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», под стратегическим планированием понимается деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации. Документы стратегического планирования разрабатываются в рамках целеполагания,

мирования, проведем анализ основных документов стратегического планирования в вышеназванных сферах на предмет выявления применения в них аксиологического и цивилизационного подходов.

При этом, учитывая, что в отраслевых документах стратегического планирования Российской Федерации определяются приоритеты, цели и задачи государственного и муниципального управления и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, способы их эффективного достижения и решения в соответствующей отрасли экономики, сфере государственного и муниципального управления Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования, вначале рассмотрим основной документ стратегического планирования в сфере обеспечения *национальной безопасности Российской Федерации*.

Основным документом, определяющим основы государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 (далее — Стратегия).

В Стратегии реализован системный принцип в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации в сферах обороны, государственной и общественной безопасности, экономики, социальной политики, науки, образования, технологий, здравоохранения, культуре, экологии живых систем, природопользования, внешней политики. При этом закреплены определения ключевых понятий («национальная безопасность», «национальные интересы», «угроза национальной безопасности», «стратегические национальные приоритеты Российской Федерации» и др.). В Стратегии отмечается, в частности, что укрепление России происходит на фоне новых угроз национальной безопасности, имеющих комплексный, взаимосвязанный характер. «Проведение Российской Федерацией самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить свое доминирование в мировых делах. Реализуемая ими политика сдерживания России предусматривает оказание на нее политического, экономического, военного и информационного давления. При этом процесс формирования новой, полицентричной

прогнозирования, планирования и программирования на федеральном уровне, на уровне субъектов Российской Федерации и на уровне муниципальных образований.

модели мироустройства сопровождается ростом глобальной и региональной нестабильности. Обостряются противоречия, связанные с неравномерностью мирового развития, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран, борьбой за ресурсы, доступом к рынкам сбыта, контролем над транспортными артериями. Конкуренция между государствами все в большей степени охватывает ценности и модели общественного развития, человеческий, научный и технологический потенциалы» (пункт 12–13 Стратегии).

Принципиально важно отметить, что в Стратегии национальной безопасности закреплены **стратегические цели обеспечения национальной безопасности в области культуры**, а также комплекс соответствующих задач в сферах государственной культурной политики и государственной национальной политики.

Так, стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области культуры определены:

1. Сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодежи в духе гражданственности.
2. Сохранение и развитие общероссийской идентичности народов Российской Федерации, единого культурного пространства страны.
3. Повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве.

При этом важно отметить, что именно в Стратегии национальной безопасности закреплён перечень (неполный) традиционных российских духовно-нравственных ценностей, включающий: приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины (п. 78 Стратегии).

Также указано, что особое значение для укрепления национальной безопасности в области культуры имеет проведение государственной политики по реализации функции русского языка как государственного языка Российской Федерации, средства обеспечения государственной целостности страны и межнационального общения народов Российской Федерации, основы развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве и средства удовлетворения языковых и культурных потребностей соотечественников за рубежом.

Взаимосвязи целей, приоритетов, задач в сферах обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в сферах культуры, государственной национальной политики, образования обусловлены взаимовлиянием и взаимопроникновением и, в значительной мере, внутренним единством социальных отношений, составляющих объективное содержание указанных сфер жизнедеятельности общества.

Согласно Стратегии национальной безопасности, необходимыми условиями укрепления национальной безопасности в области культуры являются:

- признание первостепенной роли культуры в сохранении и приумножении традиционных российских духовно-нравственных и культурных ценностей, укреплении единства многонационального народа Российской Федерации;
- обеспечение культурного суверенитета Российской Федерации посредством принятия мер по защите российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии и деструктивного информационно-психологического воздействия, осуществление контроля в информационной сфере и недопущение распространения продукции экстремистского содержания, пропаганды насилия, расовой, религиозной и межнациональной нетерпимости;
- создание системы духовно-нравственного и патриотического воспитания граждан, внедрение принципов духовно-нравственного развития в систему образования, молодежную и национальную политику, расширение культурно-просветительской деятельности;
- формирование государственного заказа на создание кинематографической и печатной продукции, телерадиопрограмм и интернет-ресурсов;
- совершенствование системы подготовки специалистов в области истории и культуры, а также их социального обеспечения;
- развитие общей гуманитарной и информационно-телекоммуникационной среды на территориях государств — участников Содружества Независимых Государств и в сопредельных регионах;
- использование культурного потенциала России в интересах многостороннего международного сотрудничества (п. 82 Стратегии).

Вышеуказанные положения Стратегии национальной безопасности, безусловно, должны быть реализованы в положениях отрас-

левых документов стратегического планирования Российской Федерации, в федеральных законах и других нормативных правовых актах, регулирующих отношения в сферах культуры, образования, государственной национальной политики.

Основными документами, в настоящее время определяющими государственную политику Российской Федерации в области образования, включая воспитание, являются: Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 года № 1642, Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р.

В документах стратегического планирования в сфере образования (Стратегии развития воспитания) и образовательном законодательстве Российской Федерации аксиологический подход реализован в ряде положений Стратегии, в частности указывающих на систему духовно-нравственных ценностей как основу данной стратегии. При этом закреплён ряд духовно-нравственных ценностей: *человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством*. На наш взгляд, этот перечень является существенно неполным, так как перечисленные ценности не в полной мере выражают специфику российской цивилизации.

Проведенный анализ показывает, что в федеральных законах и подзаконных актах Российской Федерации в сфере образования (ФГОСы и др.) продекларированные в вышеназванной Стратегии ценности не обеспечены положениями, раскрывающими их содержание, правовыми гарантиями и механизмами реализации, в результате чего в процессе воспитания детей в образовательных организациях, в том числе дошкольных, воспитательная работа зачастую ведется без ясного и четкого понимания педагогами сути и содержания российских традиционных духовно-нравственных ценностей.

Абстрагирование в нормативно-правовых актах и учебно-методических материалах в сфере образования от национально-культурных особенностей собственной страны являлось характерной чертой образовательной политики, реализуемой на федеральном уровне в постсоветский период вплоть до утверждения в 2015 году Стратегии развития воспитания.

Полагаем, что отсутствие определения ряда ключевых понятий («*духовно-нравственные ценности*», «*российская гражданская идентичность*», «*русская цивилизационная идентичность*», «*цивилизационное наследие*») является одной из причин неэффективности воспитательной деятельности в образовательных организациях.

Представляется, что корректно определить смысл и раскрыть содержание понятия «российские духовно-нравственные ценности» можно только посредством цивилизационного подхода, предполагающего, что они исторически сформировались в пространстве религиозной и культурной традиции русской цивилизации.

Русская культурная традиция (компонентами которой являются русский язык, история, литература, философия, искусство и т. д.) возникла на основе религиозной традиции. Ценностным ядром любой культуры, даже секулярной, является религия или иная система ценностей и верований. Православие, заимствованное от Византии, на протяжении множества веков существенно влияло на формирование культурного кода русского народа (представления о смысле жизни, добре и зле, отношение к труду, власти, свободе, богатству, природе, смерти и т. д.) и явилось ключевым фактором формирования цивилизационной самобытности России. При этом религиозная составляющая российской цивилизационной самобытности определялась не только православием, но и другими традиционными религиями, существующими в российском цивилизационном пространстве (исламом, иудаизмом, буддизмом и т. д.).

Поэтому формирование образовательной, культурной, национальной политики должно осуществляться при четком осознании задачи обеспечения *цивилизационной безопасности* России. Необходим отказ от доминировавшего долгое время европоцентризма, суть которого заключается в ориентации на Европу как единственный верный и высший идеал общественного и государственного устройства и путь цивилизационного развития.

В целях обеспечения национальной безопасности в области образования в соответствии со Стратегией национальной безопасности необходимо, в частности, обеспечить решение следующих задач:

- повысить роль школы в воспитании молодежи как ответственных граждан России на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также в профилактике экстремизма и радикальной идеологии;

- повысить качество преподавания русского языка, литературы, отечественной истории, основ светской этики, традиционных религий.

Основными документами, определяющими государственную политику Российской Федерации в области культуры, являются: Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808, Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р (далее — Стратегия государственной культурной политики), Основы законодательства Российской Федерации о культуре от 9 октября 1992 г. № 3612-1.

Как было отмечено выше, одним из условий (и задач) укрепления национальной безопасности в области культуры является **обеспечение культурного суверенитета России**. Поэтому полагаем необходимым закрепить и конкретизировать понятие «культурный суверенитет» в документах стратегического планирования в сфере культуры, а также закрепить соответствующие цели и задачи по обеспечению сохранения и защиты культурного суверенитета российской цивилизации.

Представляется принципиально важным обеспечить реализацию всех целей и задач государственной культурной политики, закрепленных в Основах государственной культурной политики и Стратегии государственной культурной политики, во взаимосвязи с обеспечением культурного суверенитета России. При этом следует учитывать, что культурный суверенитет основывается, на наш взгляд, прежде всего на ценностных основах русской/российской цивилизации, в том числе традиционных российских духовно-нравственных и культурных ценностях, включая национальную память⁴ **народов России, обеспечивающих цивилизационную безопасность**

⁴ *Национальная память* — это устойчивое представление народа о прошлом и настоящем, определяющее единую коллективную волю к будущему. Национальная память обусловлена имперской государственностью России, православной верой, русской культурой и особым типом служения Родине. Почти каждому поколению русских приходится разгадывать свою миссию снова и снова, наполнять ее новым историческим и культурным смыслом. Однако всегда в этой миссии остается главное — сохранение исторической территории, православной веры, традиции, русской классики и народной культуры.

России при всем имеющемся культурном разнообразии отечественной культурно-исторической системы.

Учитывая указанные в Стратегии национальной безопасности (п. 79) угрозы национальной безопасности в области культуры: размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры, пропаганду вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости), а также попытки фальсификации российской и мировой истории, считаем абсолютно необходимой разработку мер государственной культурной политики, направленных на противодействие указанным угрозам.

В действующих документах стратегического планирования в сфере культуры, федеральных законах и подзаконных актах задачи и меры, направленные на противодействие вышеназванным угрозам, совершенно недостаточны. Так, практически отсутствует постоянная системная работа по противодействию на телевидении и в интернет-пространстве внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганде вседозволенности и насилия, попыткам фальсификации российской и мировой истории. Более того, размыванию традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослаблению единства многонационального народа Российской Федерации зачастую способствует информационная продукция, производимая российскими теле- и кино-производителями, при явном недостатке объема производимого «положительного контента», способствующего укреплению единства народа России, воспитанию подрастающего поколения на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в том числе ценностей патриотизма. Основной причиной стабильного воспроизводства указанных крайне негативных эффектов в сфере деятельности средств массовой информации для достижения целей обеспечения национальной безопасности в области культуры, а также целей государственной культурной политики является, на наш взгляд, фактически полное выведения сферы действия средств массовой информации, в том числе с государственным участием, за рамки системы стратегического планирования Российской Федерации, в результате чего цели государственной политики в информационной сфере в части средств массовой информации и массовой коммуникации в настоящее время не соответствуют национальным

интересам России, в том числе в части обеспечения национальной безопасности.

Проведенный анализ федеральных законов и подзаконных актов в сферах образования и культуры показывает, что большинство из них основано на ранее применявшихся формальных, нормативистских подходах, игнорирующих культурно-исторические особенности российского государства, и не ориентированы (за исключением ряда декларативных положений) на обеспечение национальных интересов России в указанных сферах.

При этом в сферах культуры и государственной национальной политики утверждены документы стратегического планирования, в которых закреплён ряд положений (некоторые из которых сугубо декларативны), направленных на реализацию цивилизационного и аксиологического подходов⁵. Например, в Основах государственной культурной политики содержится определение культурной политики как действий, осуществляемых органами государственной власти Российской Федерации и общественными институтами, направленных на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей. При этом указано, что «исторический путь России определил её культурное своеобразие, особенности национального менталитета, ценностные основы жизни российского общества». В качестве целей государственной культурной политики закреплены «передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения».

При этом в официальных документах в сферах образования и культуры ни разу не употребляются понятия «правда» и «справедливость», «солидарность»⁶, которые являются, по сути, одними из основных важнейших ценностных концептов отечественной культурно-исторической системы, элементами единого для всего народа России культурного (цивилизационного) кода.

Основным документом, определяющим государственную национальную политику Российской Федерации, является Стратегия государственной национальной политики Российской

⁵ Основы государственной культурной политики и Стратегия государственной культурной политики.

⁶ При этом понятие «солидарность» трижды применено в Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 года.

Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666, с изменениями, внесенными Указом Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703 (далее — Стратегия государственной национальной политики).

В Стратегии государственной национальной политики определены приоритеты, цели, принципы, основные направления, задачи и механизмы реализации государственной национальной политики Российской Федерации. При этом аксиологический подход реализован фрагментарно и непоследовательно. Так, в числе факторов, негативно влияющих на развитие национальных, межнациональных (межэтнических) отношений, указано размывание традиционных нравственных ценностей народов Российской Федерации. В числе задач государственной национальной политики в сфере образования, патриотического и гражданского воспитания подрастающего поколения указаны: 1) формирование у детей и молодежи общероссийского гражданского самосознания, чувства патриотизма, гражданской ответственности, гордости за историю нашей страны; 2) воспитание культуры межнационального общения, основанной на толерантности, уважении чести и национального достоинства граждан, духовных и нравственных ценностей народов России, на всех этапах образовательного процесса.

Укрепление единства русского народа предполагает формирование российской гражданской идентичности. В Стратегии национальной безопасности сохранение и развитие общероссийской идентичности народов Российской Федерации определено как одна из стратегических целей обеспечения национальной безопасности в области культуры, причем одновременно эта стратегическая цель имеет прямое отношение также к сфере государственной национальной политики.

Однако положение действующей редакции Стратегии государственной национальной политики, указывающее на то, что *общероссийская гражданская идентичность* основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию (п. 11¹), на наш взгляд, не в полной мере согласуется с положением Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, определяющим, что основой *общероссийской идентичности народов Российской Федерации* являются исторически сложившаяся система единых духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также самобытные культуры многонационального народа Российской Федерации как неотъемлемая часть российской культуры (п. 77).

Следует подчеркнуть особую роль «русского фактора» в истории России. Если исходить из посланий Федеральному Собранию Российской Федерации и статей Президента России В. В. Путина, исторически Россия является государством «сотен этносов, живущих на своей земле вместе и рядом с русскими». Россия в этой трактовке является уникальной полиэтнической цивилизацией, скрепленной русским культурным ядром, а «русский народ является государствообразующим по факту существования России»⁷. Представляется заслуживающей внимания позиция В. Тишкова о том, что «в ближайшее десятилетие необходимо повышать престижность и статус русских, но не на пути отрицания российскости, а на пути утверждения *двойной идентичности (русской и российской)*, а также через улучшение условий жизни регионов преимущественного проживания русских, через содействие их социальному и культурному развитию в Российском государстве»⁸. Двойная идентичность, которую предлагает утверждать (укреплять) В. Тишков, действительно необходима, но ее утверждение касается не только русского народа и разрешения проблемы «русскости-российскости», но и всех народов России.

Как было отмечено выше, в последней редакции Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года⁹ определено, что общероссийская гражданская идентичность основана на *сохранении русской культурной доминанты*, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию. При этом указано, что современное российское общество объединяет *единый культурный (цивилизационный) код*, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации и в котором заключены такие основополагающие принципы, как уважение самобытных традиций народов, населяющих Российскую Федерацию, и интегрирование их лучших достижений в единую российскую культуру (п. 11¹).

В действующих документах, в частности, в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации используется понятие «*российская нация*», не вписывающееся в культурно-исторические традиции, существенно отличающиеся от формирования «*наций*» в Западной Европе. Введение понятия

⁷ Владимир Путин. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.

⁸ Там же.

⁹ В ред. Указа Президента РФ от 06.12.2018 № 703.

«российская нация» в федеральное законодательство произошло впервые в 2013 году¹⁰ и фактически являлось продолжением применения заимствованных иностранных подходов в национальной политике России.

В настоящее время в научной литературе понятие «нация» наиболее часто используется в следующих двух значениях: а) социальная общность, сформировавшаяся на основе политико-правового единства, основным элементом которого служит *гражданство (принадлежность к конкретному государству)*, а также на основе участия народа как субъекта политического процесса, выступающего в демократическом государстве источником власти, носителем суверенитета, и б) социальная общность, исторически сформировавшаяся на основе *органического и естественного социокультурного единства*, в рамках которого в нацию включаются все те, кого предположительно связывают общие язык, история или культурная идентичность в более широком понимании. В основе *западного* понимания нации лежит аксиоматика либерализма, основанная на рациональном свободном выборе и лояльности, преданности граждан государству, в основе *восточного* понимания — органицизм, традиционализм, иррациональность, преданность отчизне, имеющая культурную, духовную основу.

Имеется точка зрения, согласно которой введение понятия «нация» в официальные документы Российской Федерации было избыточным, поскольку понятие «нация» применено в значении «народ, рассматриваемый как единая политическая общность», и помимо этого политического аспекта, само по себе его применение в официальных документах фактически ничего принципиально и существенно нового не привнесло в научное понимание этого явления, в результате чего основным результатом такого нововведения оказалось так называемое умножение сущностей и появление массы текстов с использованием понятия «нация». Этот вывод убедительно подтверждается тем фактом, что в Стратегии государственной национальной политики понятие «российская нация» используется девять раз как синоним понятия «многонациональный народ Российской Федерации» в формулировке «многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)» и два раза в этом же

¹⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 20.08.2013 О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов (2014–2020 годы)».

значении в словосочетаниях: «гражданское единство — основа российской нации» и «премии Президента Российской Федерации за вклад в укрепление единства российской нации».

Произошедшее в постсоветский период введение в научное обращение понятия «российская нация», на наш взгляд, было недостаточно обоснованным, поскольку в действительности вводить новое понятие необходимости не было: фактически тождественное понятию «нация» (nation) в российской системе законодательства и государственного управления понятие уже имелось. Возможно, имеет смысл напомнить, что при учреждении в 1945 году Организации Объединённых Наций ее учредителями выступили «народы объединенных наций», в том числе советский народ (в лице уполномоченных государственных представителей) и никакого существенного лингвистического затруднения, связанного с применением понятий «нация», «народ» не возникало. Используемое в Конституции Российской Федерации понятие «многонациональный народ Российской Федерации» (народ России) по своему конституционно-правовому смыслу (народ как источник власти, носитель суверенитета) в значительной мере тождественно понятию «российская нация». Применение в качестве синонимов в Стратегии государственной национальной политики также говорит в пользу нашего вывода. В ряде работ академика В. Тишкова¹¹ значения понятий «российская нация» и «многонациональный народ» идентичны, что, на наш взгляд, подтверждает отсутствие существенного различия между значениями понятий «народ» и «нация» («русский народ» и «российская нация») в контексте конституционно-правовых документов и шире — в сфере государственного управления, что отражено в документах в сфере государственной национальной политики.

Важно указать на существенный положительный, на наш взгляд, результат введения понятия «нация» в сферу государственного управления Российской Федерации, а именно, на рас-

¹¹ В России это означает равное внимание ко всем проживающим в стране народам, в том числе и к русскому народу, который по старой большевистской традиции причислялся к «имперской, угнетающей нации», но каковой никогда не был в реальной жизни. Это также означает равную заботу как об этнокультурном развитии народов Российской Федерации, так и об укреплении единства многонационального народа (русской нации). См.: *Тишков В.* Как нам построить общество равных, разных, солидарных наций и народностей [Электронный ресурс]. — URL: <http://svop.ru/main/26190/> (дата обращения : 20.04.2018).

ширение сферы общественных отношений, которыми занималась государственная политика в области межнациональных отношений, до сферы национальных отношений¹², которая включает в себя не только область межнациональных (межэтнических отношений) но и область отношений по поводу формирования и укрепления общероссийской гражданской идентичности¹³ и единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации). Соответственно этому расширению предметного поля данная сфера государственной политики получила наименование «государственная национальная политика Российской Федерации». Важно отметить, что использованное в Стратегии государственной национальной политики понятие *«единый культурный (цивилизационный) код»*, также как и понятие *«российская цивилизация»*, в Основах государственной культурной политики РФ, фактически осталось лишь декларацией. В формулировках целей, принципов, задач государственной национальной политики и государственной культурной политики понятие «российская цивилизация» и производные от него не используются. Возникает вопрос, как обеспечить эффективную реализацию цивилизационного подхода в сферах культуры, образования и в стратегическом планировании в целом?

В современных условиях процесс формирования российской гражданской идентичности (одна из ключевых задач процесса образования и воспитания) происходит на основе русского языка как языка межнационального общения, общего видения истории, культурной и религиозной традиций, общих духовно-нравственных ценностей. Полагаем, что синтез российской гражданской идентичности и российской цивилизационной идентичности мог бы существенно обогатить и усилить объединительную энергию, способствующую укреплению единства российского народа.

Учитывая усиление агрессивного информационного и культурного влияния стран Запада во главе с США на Россию считаем, что сохранение и укрепление российской цивилизационной идентичности является одним из условий обеспечения независимости

¹² См.: Концепцию государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 г. № 909.

¹³ Понятие «общероссийская идентичность народов Российской Федерации» было введено в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в 2015 году.

Российского государства. «Размывание» российской идентичности, а также национально-культурных идентичностей народов России, замена или деформация ее компонентов (языка, истории, культурной и религиозной традиций) могут привести к тому, что народ «переформатируется», станет субъектом другой цивилизационной общности. Такое изменение российского народа, его менталитета и духовной сферы в целом, является целью ряда концепций социокультурной модернизации российского общества, основывающихся на парадигме цивилизационного превосходства западноевропейской культуры и цивилизации, стремительно движущейся к отказу от своих духовных основ. В этом контексте, важным представляется положение Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года (в ред. Указа Президента РФ от 06.12.2018 № 703) о реализации мер, направленных на противодействие любым проявлениям неонацизма, современных форм расизма, национализма, ксенофобии, русофобии, а также попыткам фальсификации истории в целях нагнетания конфронтации и реваншизма в мировой политике, попыткам пересмотра итогов Второй мировой войны, умаления подвига советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (п. 21.1).

Следует признать, что реализуемые меры государственной национальной политики и государственной культурной политики пока не учитывают имеющихся проблем, испытываемых русским и другими коренными народами Российской Федерации и заключающихся в фактической культурной и информационной агрессии западно ориентированных медиа-индустрии и зрелищно-развлекательного бизнеса, разрушающей традиционные российские духовно-нравственные ценности. При этом сохранение русской культуры и культуры других народов России сводится в основном к проведению малоэффективных мероприятий, а государственные меры представляются недостаточно результативными, поскольку при их планировании и разработке не учитывались главные угрозы сохранению этнокультурной идентичности этих народов, а сфера деятельности средств массовой информации де-факто выведена из сферы стратегического планирования.

Одним из нерешенных вопросов в сфере государственной национальной политики остается вопрос о необходимости специальных мер по обеспечению интересов русского народа, в том числе по сохранению и развитию культуры русского народа как системообразующего народа для Российской государственности не только в историческом прошлом, но и в настоящем и будущем времени.

Реализация проектов, основанных на концептах «российская нация», «русский народ», «русская/российская цивилизация», «евразийская цивилизация», «Русский мир» являются стратегически важными для будущего России. *«Судьба русского народа, его благополучие, его целостность, зрелость его самосознания должны быть признаны ключевыми факторами в сохранении духовного и политического единства России. Пренебрегать этим сегодня, значит разрушать государство, закладывая в него мину замедленного действия»*, — сказал Патриарх Московский и всея Руси на XVIII Всемирном русском народном соборе (в 2014 году).

Заметным недостатком терминологического характера в вышеуказанных официальных документах стала несогласованность, «разнобой» терминологии. Например, наряду с понятием «российская (идентичность)» используется «*общероссийское*» (единство, гражданское самосознание), наряду с национальной — «*общенациональная*» (идентичность), одновременно с гражданской (идентичностью) — «*общегражданская*»¹⁴. Представляется необходимым унифицировать терминологию в документах стратегического планирования в вышеуказанных сферах.

Отсутствие закрепленных в официальных документах определений ряда ключевых понятий способствует произвольному их толкованию при применении соответствующих положений, например, при разработке конкретных мероприятий, осуществлении мониторинга реализации государственной политики, оценке результативности деятельности государственных органов по решению задач в соответствующей сфере.

Считаем, что результативная реализация государственной политики в сферах образования, культуры, национальной политики невозможна без определения понятия «традиционные российские духовно-нравственные ценности», а также раскрытия объема этого понятия (уточнения, корректировки перечня указанных ценностей¹⁵), а также понятий «культурный суверенитет», «единый культурный (цивилизационный) код», «русская культурная доминанта», «цивилизационное наследие», «русская цивилизационная идентичность» и другие. Это является непростой научной и законодотворче-

¹⁴ План мероприятий по реализации в 2016–2018 гг. Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года.

¹⁵ Неполный, на наш взгляд, перечень традиционных российских духовно-нравственных ценностей закреплен в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

ской задачей, требующей привлечения ученых и специалистов из различных областей гуманитарного знания и сферы государственного управления. Необходимость закрепления ключевых понятий в документах стратегического планирования в указанных сферах обусловлена предотвращением возможности их вольной и искаженной интерпретации при реализации соответствующих задач и мероприятий.

Важным вопросом, существенно влияющим на направленность и результативность государственной национальной и культурной политики, в особенности на укрепление единства многонационального народа Российской Федерации, является обеспечение гармоничного соотношения задач и мер по формированию российской гражданской идентичности, поддержке сохранения этнокультурных идентичностей русского и других народов России во взаимосвязи с мерами по укреплению и защите российской цивилизационной идентичности. Также одним из факторов результативности государственной политики в указанных сферах является создание эффективных организационных и правовых механизмов *межведомственного взаимодействия*, включая координацию действий по соответствующим направлениям.

«Необходимо утверждать право народов и религиозных общин на свою идентичность. Таким правом, безусловно, обладает и русский народ, вокруг которого формируется российская нация, российская цивилизационная общность. При этом все народы страны должны иметь возможность раскрывать свою самобытность и мирно договариваться о правилах совместной жизни в рамках общей многонациональной русской цивилизации», — известные слова патриарха. В этом выступлении фактически говорится о гармонизации этнокультурной, гражданской (национальной — в европейском понимании нации) и цивилизационной идентичностей.

На наш взгляд, возможно и целесообразно гармоничное совмещение гражданской идентичности (граждане России — раньше подданные Российской империи, потом граждане Советского Союза) с этнокультурными идентичностями народов России (русский народ и другие коренные народы России) и российской цивилизационной идентичностью.

Таким образом, считаем необходимым дальнейшую работу на государственном уровне по теоретической разработке и выработке практических предложений по реализации аксиологического и цивилизационного подходов в сферах образования, культуры, государственной национальной политики и других сферах.

Анализ определений некоторых основных понятий в документах стратегического планирования и законодательных актах в сфере культуры

Подход к определению ключевых понятий в сфере государственной культурной политики, а также при совершенствовании понятийного аппарата в этой сфере должен быть: а) концептуальным и б) системным.

Концептуальным — значит, основываться на определенной концепции, парадигме.

В данном случае — это парадигма цивилизационного («многоликого») подхода к истории культуры. У истоков данной парадигмы стоял отечественный мыслитель Н.Я. Данилевский, во второй половине XIX в.; в настоящее время определенные недостатки концепции предложенной Н.Я. Данилевским были так или иначе исправлены и преодолены (в частности, ее упор сугубо на «славянство»), и данная концептуальная модель сегодня предстает уже в качественно новом виде, что тем более актуально в современных геополитических реалиях, реалиях «столкновения цивилизаций», агрессивной пропаганды «мультикультурализма» и пр.

Основные положения данной, предлагаемой здесь, модели заключаются в утверждении: а) множественности культурно-исторических образцов и, соответственно, возможных векторов развития человека и общества (преодоление европоцентризма); б) принципиального своеобразия русской (российской) культурно-исторической системы (цивилизации); в) системного принципа в формировании данной системы (как единства в многообразии входящих в нее народов и их культур); г) создании адекватных отечественным культурно-историческим реалиям понятийного аппарата, культурно-исторической логической схемы, с соответствующей системой определений указанных ключевых понятий.

Системным данный подход должен быть в том смысле, что совокупность основных понятий, которые так или иначе наличествуют в стратегических документах в сфере государственной культурной политики Российской Федерации, должна представлять собой именно систему, т.е., во-первых, основываться на *единой концептуальной основе* (а отнюдь не принадлежать разным парадигмам,

создавая «мозаику» некогерентных высказываний и предложений), а во-вторых, находиться в четкой (системной) взаимосвязи друг с другом, создавать своего рода *понятийную «множественность в единстве»*, в своих определениях.

Приступая к созданию подобного рода системы, обратимся, прежде всего, к уже наличествующим в документах стратегического планирования Российской Федерации в сфере культуры, основным понятиям.

Рассмотрим, прежде всего, «проблемные» понятия и определения понятий, т. е. те, которые потенциально затрудняют понимание и, вследствие этого, реализацию заявленных целей государственной культурной политики.

Условные обозначения:

Подчеркиванием — далее обозначаются «проблемные», на мой взгляд, понятия и определения, имеющие место в документах стратегического планирования РФ, так или иначе связанных с реализацией государственной культурной политики, которые нуждаются в замене или корректировке.

Жирным подчеркиванием — далее выделены предложения по замене или корректировке отдельных «проблемных» понятий и/или замене всего определения или в целом положения документа.

И. Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики»

1. Восьмой абзац Введения:

«На протяжении всей отечественной истории именно культура сохраняла, накапливала и передавала новым поколениям духовный опыт *нации...*»

Использование понятия «*нация*» по отношению русскому народу, — как, впрочем, и к «народу российскому», и к иным народам России, — некорректно, потому что понятие «нация» имеет довольно определенную культурно-историческую локализацию, и связано с политической историей западноевропейских стран: в Новое время, после Вестфальского мира (1648). Европейские государства, начиная с данной эпохи, формировались как «национальные государства»: под единой властью суверена (короля и т.д.), с единой (по возможности) религией, и как *государство единой «нации»*, — и все народы, этносы и пр., которые до того проживали на территории данного государства отныне становились единой «нацией» (напри-

мер, «французами», безотносительно своей национальной (этнической) принадлежности («бургунды», «гасконцы», «нормандцы», «бретонцы» etc.).

Нация — это прежде всего *политическая общность*; а культурное самоопределение здесь вторично по отношению к политическому самоопределению. *Народ* — *общность прежде всего культурная*; а политическая составляющая в этом определении — не является основным признаком, специфическим аспектом, обуславливающим отличие значения понятия «народ» от близких по значению понятий.

В России государство формировалось совсем на иных политических и культурно-исторических основаниях (условно, как «многонациональная империя»), и в парадигме его формирования правильнее будет говорить о «народе» и «народах», а не о «нации» и «нациях».

Используя понятие «нации», мы: 1) вносим путаницу в понятия; 2) смешиваем культурно-исторические реалии («России» и «Европы»); 3) создаем искаженную культурно-историческую картину; 4) создаем дополнительные проблемы с адекватным представлением о современной культурно-исторической и политической действительности; 5) провоцируем «национальные» конфликты и сепаратистские тенденции (например, очевидно, что если есть «нация», и это понятие используется в европейском значении как единая политическая общность, охватывающая весь народ, то значит, у нее должно быть, по определению, «свое государство», со всеми вытекающими отсюда «требованиями» и последствиями) и т. д.

И потому понятие «*нация*» в Основах государственной культурной политики обоснованно, на наш взгляд, заменить на понятие «*народ*».

С учетом указанного замечания предлагаем восьмой абзац Введения изложить в следующей редакции:

«На протяжении всей отечественной истории именно культура сохраняла, накапливала и передавала новым поколениям духовный опыт народа...» (I. Введение).

Вместе с тем, полагаем, что использование концепта «*национальный*» применительно к *международной политике, внешнеполитической деятельности государства* (например, в выражениях «национальные интересы», «национальные приоритеты», «национальная валюта» и т. д.) вполне приемлемо, в соответствии с установившейся международной терминологией, где понятие «националь-

ный» имеет четкий смысл «*общенародный*», «*государственный*», и не создает терминологическую путаницу.

Полагаем, что использование концепта «национальный», в значении «общенародный», «государственный», вполне приемлемо и во внутренней политике, опять же, в силу сложившейся терминологии. Однако понятие «нация», дабы избежать ненужной терминологической путаницы и иных негативных последствий, разумеется, целесообразно не использовать.

2. Третий абзац пункта 2 Раздела II:

«девальвация общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров».

Понятие «общепризнанные ценности» здесь представляется некорректным. *Кем «общепризнанных»? «Общепризнанных ценностей» какой культуры?*

Если мы имеем в виду «общепризнанные ценности» отечественной культуры, то это будут одни «общепризнанные ценности». Если мы здесь имеем в виду некие «общепризнанные», мировые или, как вариант, «западные ценности», — то это будет уже по меньшей мере существенно отличающаяся совокупность ценностей.

Более того, неких «общепризнанных ценностей», наподобие гипотетических «общечеловеческих ценностей» — не существует, как не существует и правовой процедуры такого признания. И если тут подразумевается нечто вроде подобных «общечеловеческих ценностей», то о них нужно сказать следующее:

Во-первых, любые общественные ценности (высшие ценности) формируются в рамках определенных культурно-исторических систем, на определенном историческом этапе и в определенных жизненных условиях, и, соответственно, всегда они будут довольно своеобразны;

Во-вторых, даже говоря об определенных ценностях (высших ценностях) той или иной культурно-исторической системы («культуры»), мы прекрасно понимаем, что у разных представителей данной культуры ценностные ориентиры могут в большей или меньшей мере отличаться друг от друга, и мы здесь говорим лишь о некоей общей ценностной доминанте, довольно общей, свойственной, с соответствующими «допусками», большинству представителей данной культурно-исторической системы, а отнюдь не о всех тотально;

В-третьих, то, что сегодня позиционируется как «общепризнанные ценности» является ценностями только западноевропейской культурно-исторической системы, — тем более ценности именно со-

временного (Постмодерн) исторического этапа развития этой системы; и эти современные «ценности» зачастую радикально отличаются от господствовавших ценностей в этой же культурно-исторической системе не только в ранний ее период развития, в Средневековье, но и в период зрелый, в Новое время (Модерн).

Очевидно, что основные «ценности отечественной культуры» и «ценности западные», тем более «западные современные», зачастую существенно расходятся друг с другом, вплоть до взаимного противоречия друг другу или в лучшем случае — являются просто разными.

И потому понятие «*общепризнанные ценности*» здесь нужно заменить на понятие «*ценности отечественной культуры*».

С учетом предлагаемого изменения третий абзац пункта 2 Раздела II предлагаем изложить в следующей редакции:

«девальвация ценностей отечественной культуры и искажение ценностных ориентиров...»

3. Второй абзац III Раздела: «культура — совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и т.д.) (III. Общие положения).

Данное определение «культуры» в целом (тем более сравнительно с другими, имеющимися в документах определениями) вполне приемлемо; однако мы предлагаем заменить его на следующее:

«*Культура* — своеобразная символическая ценностно-смысловая система, актуализирующая и определяющая творчество человеком самого себя и сферы своего бытия».

Поясним свое предложение. В представленном в Основах государственной культурной политике варианте определения, во-первых, «культура» предстает как «совокупность» — т.е. некое множество, неупорядоченное и децентрированное, а не как «система».

Система — определенная множественность разнообразных элементов и их связей, находящихся в динамическом единстве. То есть система — всегда предполагает в себе некое единство; но в то же время обязательно — и разнообразие, многоэлементный состав; т.е. система кратко — это *единство в многообразии*.

Аналогично и *культура*; она не может не быть в этом смысле «*системой*», в ней должно быть внутреннее: а) «*единство*», и б) «*разнообразие*». И что еще очень важно: это ее *внутренняя динамика*; т.е.

развитие, творчество. Но, опять же, творчество — на определенных основаниях («традиционных ценностях»).

Во-вторых, в представленном определении понятия «культура» его элементы, являющиеся сущностными, — «духовные ценности» — заявлены «на втором плане», а заявленное на первом плане («институты», «явления и факторы» и т. д.) — в действительности оказывается лишь внешними проявлениями и «инструментами» «распространения» указанных «духовных ценностей».

Также в представленном в Основах государственной культурной политике определении упускается важнейшие *семиотические* (*символические*) и *эвристические* (*творческие*) аспекты культуры.

В предлагаемом нами определении, на наш взгляд, нет ни одного лишнего слова, предиката, и по возможности охватывается вся область значений того, что называется «культурой»:

Культура предстает здесь:

Как «система»; т. е. — *динамическое единство в разнообразии*.

Как система «своеобразная». А всякая культура, по меткому и емкому выражению К. Н. Леонтьева, есть прежде всего «своеобразие».

Как система «символическая». Всякая культура есть прежде всего «символическая вселенная» (по мысли Э. Кассирера); и всякая деятельность человека всегда уже есть именно деятельность символическая: в регистре взаимоотношений «означающих» и «означаемых» (значений, смыслов). А также, очевидно, «ценности» тоже есть прежде всего именно «символы».

Как система «ценностно-смысловая». Ценностная матрица здесь предстает как основа культуры, культурно-исторической системы, система «точек интенсивности» своеобразного мировоззрения и отношения к миру человека данной культуры.

Данная система (культура) *актуализирует и определяет* (т. е. задает направление и своеобразный регистр) *творчество* человека, принадлежащего к той или иной культуре, культурно-исторической системе.

Человек в процессе своего культурного творчества: а) творит самого себя (воспитывается, образовывается, становится Человеком), и б) творит сферу своего бытия (своеобразную «материальную культуру», «искусственную среду», орудия труда, набрасывает на окружающий мир ту или иную концептуальную сетку понимания этого мира и т. д.). В числе прочего вторым шагом в процессе этого творчества человек так или иначе меняет, медленно и постепенно, и саму ценностно-смысловую систему как основу своего творчества и т. д.

И потому мы предлагаем для определения концепта «культуры» использовать следующее определение:

Должно быть:

«Культура» — своеобразная символическая ценностно-смысловая система, актуализирующая и определяющая творчество человеком самого себя и сферы своего бытия» (III. Общие положения).

4. Шестой абзац Раздела IV: «передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения...» (IV. Цели государственной культурной политики).

Понятие «*цивилизация*» в принципе является приемлемым, однако, в силу своей многозначности, не очень удачным. Мы бы предложили заменить его на понятие «*культурно-исторической системы*».

Понятие «*цивилизация*» сегодня может использоваться в следующих значениях: а) как синоним понятия «культуры» в целом; б) как уровень технического развития общества; в) как уровень развития материальной культуры, как синоним «материальной культуры»; г) как последняя, предсмертная, стадия жизни «культуры» (по О. Шпенглеру); д) как период «плодоношения» культуры, т. е. тот период жизни культуры, когда культура приносит свои плоды, раскрывает свои творческие потенции (по Н. Я. Данилевскому); е) как синоним «городской культуры» (от *лат. civilis* — «гражданский», «городской», «государственный»); ж) как высшая стадия развития «культуры» (общества) в плане преодоления «дикости» и «варварства» (по Л. Моргану, например) и т. д.

Вследствие вышеуказанной многозначности понятия «цивилизации» будет так или иначе производить «путаницу в понятиях».

Понятие «*культурно-историческая система*» (аналогичное понятию «культурно-исторический тип», введенному Н. Я. Данилевским) выгодно отличается от понятия «цивилизация» тем, что оно:

Во-первых, оно означает именно «*систему*»: т. е. *развивающееся единство в разнообразии*.

Во-вторых, использование лексемы «культурно» придает понятию в целом дополнительный «*культурный*» смысл, во всей ее, «культуры», *полноте* (предложенное определение «культуры» см. выше).

В-третьих, как именно нечто «*историческое*». То есть имеющее свою *хронологическую локализацию*, с одной стороны, и свою

«историчность, т.е. зависимость от исторических условий и свою исторически определяемую действительность».

И наконец, в-четвертых, не содержит в себе вышеуказанной многозначности (полисемии).

Также отметим, что концепт *«культурно-исторической системы»* можно определить как *существующий, или существовавший, во времени и пространстве инвариант развитой символической ценностно-смысловой системы, актуализирующей и определяющей творчество человеком самого себя и сферы своего бытия.*

И потому понятие «цивилизация» мы считаем обоснованным заменить на понятие «культурно-историческая система».

С учетом предлагаемого изменения шестой абзац Раздела IV предлагаем изложить в следующей редакции:

«передача от поколения к поколению традиционных для российской **культурно-исторической системы** ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения...» (IV. Цели государственной культурной политики).

Однако, повторяюсь, если изначально оговорить, в каком именно смысле мы применяем и понимаем концепт «цивилизации», то данное понятие («цивилизация») вполне может использоваться в документах стратегического планирования в сфере культуры..

II. Основы законодательства Российской Федерации о культуре от 9.10.1992 № 3612-1 (ред. от 18.07.2019)

1. Абзац третий статьи 3:

«Культурные ценности — нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты...»

Данное определение представляется не очень удачным вследствие того, что, во-первых, в нем, по существу, идет перечисление отдельных «ценностей», во-вторых, говорится о том, что есть, собственно, «культурные ценности», без какого-либо разграничения этих «сторон».

Предлагаем изложить абзац третий статьи 3 в следующей редакции:

«Культурные ценности — это система жизненно-важных и значимых смыслов, идеалов или образцов поведения, содержащихся в объектах культурного и природного наследия, национальных традициях и обычаях, национальных языках, диалектах и говорах, исторических топонимах, фольклоре, художественных промыслах и ремеслах, произведениях культуры и искусства, архитектуры и зодчества, результатах и методах научных исследований культурной деятельности, уникальных технологиях, уникальных ландшафтах и территориях...»

2. Абзац пятый статьи 3:

«Творческая деятельность — создание культурных ценностей и их интерпретация».

Представленное определение несколько сужает область значений понятия «культурное творчество», *«творческая деятельность»* до исключительно сферы «творчества ценностей и их интерпретации», в то время как значение концепта «творческая деятельность» явно шире и может быть, скорее, определено как *«создание качественно новых произведений искусства, иных артефактов, содержащих в себе культурные ценности и смыслы, а также создание новых ценностей и смыслов».*

Итак, указанное положение предлагаем изложить в следующей редакции:

«Творческая деятельность — создание качественно новых произведений искусства, иных артефактов и технологий, содержащих в себе культурные ценности и смыслы, а также создание новых ценностей и смыслов...»

3. Абзац восьмой статьи 3:

«Культурное наследие народов Российской Федерации — материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию...» (Статья 3. Основные понятия).

Данное определение понятия «культурное наследие народов Российской Федерации» представляется состоящим из двух различных частей: «материальные и духовные ценности» и отдельно «памятники и историко-культурные территории и объекты» и т. д.

Также, полагаем, что в этом определении сделан излишний акцент на отдельных «народах России» — в ущерб культурно-исторической и государственной целостности и единству народа России. Если мы говорим о России как культурно-исторической системе, то мы, априори, предполагаем ее внутреннее разнообразие (как этническое, так и культурное). Впрочем, данная рекомендация не представляется особо принципиальной, можно оставить и прежнюю формулировку понятия: «культурное наследие народов Российской Федерации».

С учетом вышесказанного, рассматриваемое определение понятия «*культурное наследие России*» (абзац восьмой статьи 3) предлагаем изложить следующим образом:

«Культурное наследие России — система объектов и образцов, имеющих высокую этическую, эстетическую, религиозную и историческую ценность. Объекты культурного наследия России принадлежат Российской Федерации и не могут быть переданы в собственность другим государствам и международным структурам...»

4. Абзац девятый статьи 3:

«Культурное достояние народов Российской Федерации — совокупность культурных ценностей, а также организации, учреждения, предприятия культуры, которые имеют общенациональное (общероссийское) значение и в силу этого безраздельно принадлежат Российской Федерации и ее субъектам без права их передачи иным государствам и союзам государств с участием Российской Федерации».

В данном определении, опять же, имеет место состав из двух отдельных частей: «совокупности культурных ценностей» и «организаций, учреждений...» и т.д., — в то время как обе эти смысловые стороны данного концепта должны составлять, по определению, единство.

Потому данное понятие, по нашему мнению, лучше определить следующим образом: «*культурное достояние России — система объектов, имеющих высокую этическую, эстетическую, религиозную и историческую ценность, а также учреждения, организации, предприятия и иные субъекты, осуществляющие свою творческую деятельность в сфере культуры в настоящее время. Объекты и субъекты, относимые к культурному достоянию России, принадлежат Российской Федерации и не могут быть переданы в собственность другим государствам и международным структурам...»*

Аналогично тому, что было сказано выше, предлагаем заменить понятие «культурное достояние народов Российской Федерации» (закрепленное в абзаце девятом статьи 3) на понятие *«культурное достояние России»*.

Итак, определение рассмотренного концепта предпочтительнее изложить следующим образом:

«Культурное достояние России — система объектов и образцов, имеющих высокую этическую, эстетическую, религиозную и историческую ценность, а также учреждения, организации, предприятия и иные субъекты, осуществляющие свою творческую деятельность в сфере культуры в настоящее время. Объекты и субъекты, относимые к культурному достоянию России, принадлежат Российской Федерации и не могут быть переданы в собственность другим государствам и международным структурам и объединениям...»

5. Абзац одиннадцатый статьи 3:

«Государственная культурная политика (политика государства в области культурного развития) — совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность государства в области культуры...» (Статья 3. Основные понятия).

В данном определении, по нашему мнению, отсутствует главная существенная составляющая культуры и культурной политики — *«ценности»*.

Определение понятия *«государственная культурная политика»* (абзац одиннадцатый статьи 3), с учетом высказанного выше замечания должно выглядеть следующим образом:

«Государственная культурная политика (политика государства в области культурного развития) — система стратегических целей, принципов, задач, приоритетных направлений, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению отечественных культурно-исторических ценностей, культуры в целом, а также сама деятельность государства в области культуры...»

6. «Статья 9. Приоритетность прав человека по отношению к правам государства, организаций и групп.

Права человека в области культурной деятельности приоритетны по отношению к правам в этой области государства и любых

его структур, общественных и национальных движений, политических партий, этнических общностей, этноконфессиональных групп и религиозных организаций, профессиональных и иных объединений...»

Вызывает сомнение тезис об абсолютной «приоритетности прав человека» (пусть даже и как «прав личности») над правами общества, государства и пр., потому как человек, в принципе, не существует вне общества, формируется обществом, и несет перед обществом очевидную ответственность за свои поступки и действия (и этическую, и юридическую). В идеале, разумеется, должна соблюдаться гармония «личного» и «общественного», потому как явный «приоритет» одного над другим, личности над обществом или общества над личностью, будет приводить, в первом случае, к разрушению общества, с последующей неизбежной гибелью и «личности», или, во втором случае, к подавлению «личности», с последующей деградацией «общества». Полагаем, что в большинстве случаев, действительно, «права личности» должны иметь тут свой приоритет, однако бывают случаи, когда, в жизненно важных для общества и государства целях и обстоятельствах, очевидно, должен соблюдаться, напротив, приоритет «прав общества» (и т. д.) над «правами личности». Отметим, что в соответствии с частью 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Учитывая вышесказанное, предлагаем статью 9 Основ законодательства Российской Федерации о культуре изложить в следующей редакции:

«Статья 9. Приоритетность прав человека по отношению к правам государства, организаций и групп

Права человека в области культурной деятельности приоритетны по отношению к правам в этой области государства и любых его структур, общественных и национальных движений, политических партий, этнических общностей, этноконфессиональных групп и религиозных организаций, профессиональных и иных объединений, — за исключением случаев, когда соблюдение указанных прав влечет за собой угрозы интересам общества и государства».

7. Статья 11:

«Статья 11. Право на личную культурную самобытность

Каждый человек имеет право на свободный выбор нравственных, эстетических и других ценностей, на защиту государством своей культурной самобытности».

В данном определении, опять же, не учитывается возможность деструктивного по отношению к обществу в целом «свободного выбора», который делает тот или иной человек (например, «свободный выбор» «приобщиться к культуре» «радикального ислама и террора»); а этот момент должен обязательно учитываться.

Предлагаем изложить статью 11 в следующей редакции:

«Каждый человек имеет право на свободный выбор нравственных, эстетических и других ценностей, на защиту государством своей культурной самобытности, — за исключением тех случаев, когда результаты данного выбора несут с собой угрозу жизни других людей и (или) интересам общества и государства».

III. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р

Шестой абзац пункта 2 Раздела III:

«развитие правовой и политической культуры детей, расширение конструктивного участия в принятии решений, затрагивающих их права и интересы, в том числе в различных формах самоорганизации, самоуправления, общественно значимой деятельности...»

(III. Основные направления развития воспитания. 2. Обновление воспитательного процесса с учетом современных достижений науки и на основе отечественных традиций).

Предлагаем изложить указанное выше положение в следующей редакции:

«...развитие социальной культуры детей, их самостоятельности, способности принимать разумные и взвешенные решения, воспитание навыков социальной самоорганизации и самоуправления, общественно значимой и полезной деятельности...»

В данной статье мы рассмотрели далеко не все «проблемные» понятия и определения. Считаем необходимым в дальнейшем продолжить работу в этом направлении.

О категории культурного суверенитета

Поскольку достойная жизнь и свободное развитие человека невозможно вне культуры и помимо существующей культуры, государство обладает правом и обязанностью осуществлять политику в данной сфере, обеспечивающую решение данных задач.

Точно так же, как оно обязано осуществлять политику в сфере культуры, обеспечивающую целостность территории страны и ее безопасность, в том числе — информационную и культурную.

В статье 44 Конституции Российской Федерации установлено: «1. Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания <...>. 2. Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям. 3. Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры».

Соответственно, государственная политика в области культуры должна обеспечить доступ граждан к достижениям культуры, а также обеспечить исполнение гражданами их обязанности по сохранению исторического и культурного наследия.

При этом культурное достояние страны не сводится ни к совокупности материальных носителей культуры, ни даже к совокупности материальных и нематериальных произведений искусства.

Сфера культуры — это не только совокупность произведений, имеющих значительную художественную или иную культурную ценность для общества. Сфера культуры — это также сфера производства базовых латентных образцов социального и политического поведения, ценностей, норм (в том числе запретов) и совокупность сложившихся и значимых для общества этических, эстетических и бытовых представлений.

Особенность культуры России не в ее инаковости по отношению к остальным культурам — она в ее уникальной интегративной способности их принимать, осваивать и на их основе создавать более высокие образцы, сохраняя базовые ценностные стержни своей ментальности, основанные на приоритете доброжелательности по отношению к другим народам и культурам. Среди таких стержней:

- ориентация на поиск универсального для всего человечества высшего общественного идеала и стремление открыть его и сделать доступным для всего мира;
- уверенность в равенстве всех людей перед высшими идеалами и отрицание элитарности и социальной несправедливости;
- непримиримость к несовершенству мира и готовность к любым жертвам для его устранения.

Право каждого на привычную культурную среду первично, при этом:

- 1) человек и общество в своей идентификации формируются той культурной средой, которая создана до них, ее разрушение одновременно разрушает и саму личность, и самосознание народа, и идентичность страны в целом;
- 2) одновременно с осуществлением творческой частью гражданской самореализации через создание нового в культуре, большинство граждан и общество в целом опирается в своей самоидентификации на имеющееся культурное наследие;
- 3) позитивное творчество, даже создающее более высокие образцы культурных ценностей, строится именно на основе и материале имеющегося наследия, а разрушение его — лишает основы и саму культурную деятельность по созданию новых произведений.

Свобода творчества бесспорно значима, но нужно отличать свободу цивилизованного человека, предполагающую принятие определенных цивилизационных запретов, от свободы дикаря, отвергающего любые запреты, нормы и ценности. Равно как нужно отличать реальное творчество, заключающееся в создании нового на основе имеющегося, от имитации творчества, выдающего за новацию разрушение созданного и пренебрежение к нему.

Свобода творчества несет в себе огромную энергию — но, как и ядерная энергия, она может реализоваться и в ядерной бомбе, и в атомной электростанции. В конце концов, Чернобыльская катастрофа тоже стала результатом предельно вольного отношения к свободе научного творчества.

При всей важности конституционного принципа свободы творчества каждого — он продуктивен только при его ограничении правом каждого на сохранение и пользовании культурным наследием и обязанностью каждого заботиться о его сохранении.

В настоящее время в рассматриваемой сфере существует проблема неких превращенных форм: культурой объявляется то,

что не является ей по своей сути: то есть не выполняет функции воспроизводства базовых латентных образцов социального и политического поведения.

Под культурой часто стали понимать деятельность тех людей, которые зарабатывают деньги своей художественной деятельностью, независимо от того, обладают ли их произведения значительной художественной или иной культурной ценностью для общества. При этом одновременно, искусством объявляется не момент начала создания эстетической ситуации — а любая деятельность любого индивида, в том числе носящая и разрушительный для человека или общества характер.

В настоящее время перед всеми ответственными членами российского общества и государством объективно стоит важнейшая общая задача — обеспечить сохранение культурного наследия и культурного суверенитета страны. Сохранение традиционных принятых народом и обществом ценностей — по определению выше частных интересов как групп, зарабатывающих на своей художественной или «протохудожественной деятельности». Эту задачу невозможно решить без создания необходимого комплекса правовых, организационных и информационных средств и мер, направленных на ее решение, включая купирование угроз культурному суверенитету и национальной идентичности страны, исходящих изнутри самого российского общества.

Можно выделить как минимум три группы, незаинтересованных в такой государственной политике.

Первая группа — это лица, получающие коммерческую выгоду от противопоставления своей протохудожественной деятельности принятым и утвердившимся в обществе ценностным образцам и духовно-нравственным ценностям. В данном случае речь идет не о создании новых приемов и образцов собственно художественного и иного культурного творчества, а об игре на противопоставлении, расчете на привлечение внимания публики посредством эпатажа, насмешки, оскорбления по отношению к художественному вкусу и утвердившимся эстетическим образцам, духовно-нравственным ценностям и предметам (объектам и образам) религиозного почитания, когда за новое и креативное выдается неумение и сознательное «не следование канонам», нередко сопровождающееся публичным проявлением агрессивного отношения к духовно-нравственным и культурным традициям народа.

Вторая группа — это представители государственных органов, функционально отвечающие за сферы, технологически или содер-

жательно связанные со сферой культуры, которые считают их в значительной степени неподлежащими регулированию и государственному контролю (надзору) на предмет их влияния на реализацию задач и целей государственной культурной политики, и по причине этого всячески препятствующие установлению необходимого правового регулирования, направленного на соблюдение и реализацию публичных интересов и целей в данной сфере отношений.

Третья группа — включает отдельных лиц и социальные группы, ставшие носителями инокультурных ценностных оснований, расходящихся с базовыми основаниями российской культуры, и так или иначе действующие в ущерб национальным интересам России и стратегическим целям обеспечения национальной безопасности в области культуры.

Культура формирует человека — и задача российского государства заключается в том, чтобы содействовать формированию не потребителя, а творческой и созидающей личности, человека, который высшую радость и наслаждение находит в свободном творческом созидательном труде.

Очевидно, что жизнеспособность российского общества и государства в значительной мере зависит от состояния отечественной культуры. Из этого следует обязанность государства защищать отечественную культуру, основанную на традиционных российских духовно-нравственных ценностях и на достижениях мировой культуры, принимая во внимание культурные взаимосвязи российской и европейской культур в контексте мировой культуры.

В настоящее время в обществе и политической элите складывается все более ясное понимание неадекватности и ошибочности понимания и отношения к культуре как к «остаточной части» социальной сферы, а также как к сфере «досуга и развлечения» и пространству ничем не ограниченного свободного самовыражения деятелей культуры, богемных групп и других лиц. Как отмечено в Стратегии государственной культурной политики, особенностью современного подхода к гуманитарной сфере является узковедомственный подход к культуре, а также отчасти утилитарное понимание культуры как сферы услуг. Это порождает более низкий общественный статус культуры, что не соответствует подходам, зафиксированным в Основах государственной культурной политики, и стратегическим интересам Российской Федерации. В Основах государственной культурной политики культура возведена в ранг национальных приоритетов и признана важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений,

гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности Российской Федерации.

В Стратегии государственной культурной политики отмечается, что культура сохраняет огромный потенциал для формирования и укрепления гражданской идентичности, обеспечения единства российской нации, сохранения единства культурного и языкового пространства Российской Федерации.

Учитывая вышесказанное, считаем важнейшей сущностной задачей государства, активных ответственных граждан, общественных организаций и других институтов гражданского общества восстановить отношение к культуре как:

- к сфере сохранения государственного и культурного суверенитета страны;
- к сфере производства и формирования латентных поведенческих образцов и через них — сохранения и укрепления гражданской идентичности граждан России, национально-культурной идентичности российского общества и государства в целом;
- к системе защиты культурных и традиционных российских духовно-нравственных ценностей, исторической памяти российского народа, в том числе посредством производства положительного контента и поддержки соблюдения соответствующих правовых запретов.

Культура создает и защищает страну. Культура способствует развитию страны, переходу ее с одной ступени исторического развития на другую. Что, разумеется, не означает, что она во всем этом обходится без других важных инструментов социального управления и развития, в том числе материального производства.

Государственное управление в сфере культуры не должно оказывать содействие, в том числе поддержку деятельности, обладающей внешними признаками культурной деятельности, но не соответствующей и тем более противоречащей национальным интересам России, в том числе стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области культуры¹. При этом государство не должно запрещать те или иные поиски в сфере культуры, за исключением деяний, запрещенных законом, но должно помогать тем, кому следует помогать в соответствии с целями, задачами и приоритетными направлениями государственной культурной политики.

¹ См. п. 76 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

Характеристика самобытности, безусловно, присуща народу России и стране в целом. И сама эта категория, и сам термин — не только оправданы научно, но и общепризнаны, и применяется в международных правовых документах. В системе стратегического планирования Российской Федерации понятие самобытности страны также используется.

В Основах государственной культурной политики совершенно четко указывается, что государственная культурная политика призвана обеспечить приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основу экономического процветания, государственного суверенитета и *цивилизационной самобытности страны*. При этом говорится, что единение науки, образования и искусства закладывает основу для понимания общественной миссии культуры как инструмента передачи новым поколениям свода моральных, этических и эстетических ценностей, составляющих ядро национальной самобытности.

Согласно Стратегии государственной национальной политики к приоритетам государственной национальной политики Российской Федерации отнесено укрепление гражданского единства, гражданского самосознания и *сохранение самобытности многонационального народа Российской Федерации* (российской нации). Вместе с тем, представляется, что одна эта категория и соответствующая формулировка цели и приоритетного направления являются, на наш взгляд, недостаточными, так как, имея во многом относительно пассивный характер и указывая на то, что подлежит сохранению как часть наследия, — указанные понятия и цели сами по себе не содержат некое деятельностное начало, побуждая и заставляя предпринимать необходимые активные действия для решения задачи по сохранению и укреплению самобытности народа, страны.

Полагаем обоснованным использовать дополнительно более определенную и наполненную более однозначным, четким и категоричным смыслом категорию **«культурный суверенитет»**. Она вполне согласуется с положением Конституции Российской Федерации о том, что носителем суверенитета и единственным источником власти в России является ее многонациональный народ (ч. 1. ст. 3), — что предполагает право народа сохранять и защищать признаваемую им и привычную ему культурно-ценностную и ценностно-нормативную основу, в том числе в сфере политической деятельности, ставя в качестве одной из политических задач обеспечение культурного суверенитета страны.

Следует отметить, что статья 5 Основ законодательства Российской Федерации о культуре от 9 октября 1992 года № 3612-I имеет наименование «Суверенитет Российской Федерации в области культуры», однако правовая норма, закрепленная в этой статье весьма далека по своему смыслу от задачи сохранения национально-культурной идентичности страны и обеспечения ее культурного суверенитета: «Российская Федерация самостоятельно реализует на своей территории соглашения и иные акты, регулирующие отношения Российской Федерации в области культуры с другими государствами, объединениями государств, а также международными организациями».

Культура, история, историческая память — это всегда пространство информационной и смысловой конкуренции национально-государственных, социально-экономических и социально-политических систем. Пространство борьбы за сохранение историко-идентификационного, политико-экономического и культурного суверенитета.

В этом отношении одной из важнейших задач государственной политики в сфере культуры и искусства является сохранение и защита культурного суверенитета страны.

Культурный суверенитет страны включает в себя:

- право государства и народа руководствоваться теми образцами, ценностями и нормами поведения, которые выработаны в ходе их истории, признаются и принимаются народом;
- приоритет волеизъявления народа при решении о принятии или непринятии тех или иных образцов, норм и ценностей перед признанием или непризнанием указанных образцов и норм внешними для данной страны субъектами;
- право государства и народа противодействовать распространению информационной продукции, угрожающей историко-культурной самоидентификации общества и способствующей разрушению значимых для него образцов поведения, ценностей, этических, эстетических и бытовых норм;
- безусловное право народа и граждан, право и обязанность государства не допускать использования сферы культуры для нанесения ущерба национальному государственно-политическому суверенитету и территориальной целостности страны.

Понятно, что основным инструментом переноса потоков информационно-культурной энтропии сегодня является телевидение и Интернет. Не в силу их какой-то изначальной порочности, а в силу способности ускоренно переносить и обрушивать на че-

ловека (неограниченный круг лиц) объемы информации, которые тот, как правило, не в состоянии критически оценить и обработать. Но телевидение и Интернет — это только инструменты. Это не особые виды культуры и искусства. Они переносят то, что через них транслируется, и могут разрушить волю и идентификацию того, кто не может противопоставить им свой устойчивый ценностный мир и свое единство с классической культурой. Массовая культура — это поток быстрого и неподготовленного погружения широких масс в многообразное культурное пространство. Если человек встречается с этим потоком, имея устойчивую систему этических и эстетических ценностей, обладая богатством национальной и классической культуры, — он оказывается сильнее неупорядоченного культурно-информационного потока Постмодерна.

Нужно признать — Россия сумела удержать свой культурный суверенитет в значительной степени по причине накопленного ранее советского культурно-образовательного потенциала.

Отсюда задача нашей культурной политики на деле сделать культурные богатства страны доступными для каждого, наполнить ее их образами и ценностями, устранить разрыв между регионами и столицами в доступе к достижениям отечественной культуры.

Одним из средств противостояния культурно-информационному потоку массовой культуры является создание устойчивой разветвленной многоуровневой системы ретрансляции классических культурных образцов, зон устойчивого, осмысленного соприкосновения сданным культурным массивом, обладающим эффектом присутствия и соучастия, сопереживания, в частности — воссоздания «стратегической триады Просвещения» (театр-кинотеатр, музей-выставка, библиотека-клуб).

В комбинированном действии, погружая человека в сознательно избираемое состояние осмысления, они вместе способны противостоять активному массированному воздействию на человека информации и образов телевидения и Интернета в том случае, если действуют совместно.

Поток образов, транслируемых ТВ и Интернетом, идет с одной стороны, как встречающая волна, составляя фоновую восприятие, действующее в первую очередь на расслабленное подсознание, проходит сквозь человека, воздействуя в основном своим информационным объемом.

Поток ощущений и образов названной стратегической триады можно организовать как попутный, привлекательный и сознательно избираемый человеком, погружающий его в собственное ценност-

ное осознание. В этом случае человек сам оказывается носителем и ретранслятором устойчивых образов, защищенным собственной наполненностью ими от накатывающегося на него потока постмодернистских образцов массовой культуры. То есть мы сможем преодолеть энтропийное воздействие массовой культуры посредством комбинации организованных действий разных видов и жанров искусства и созданием устойчивых и привлекательных культурных сфер и носителей культуры.

Любая пассивная защита, в частности защита культурного суверенитета страны, обрекает защищающийся субъект на утрату стратегической инициативы, отдавая ее атакующему началу. Если весь мир окажется утвердившимися волнами массовой культуры Постмодерна, а классическая культура разрушена, России намного сложнее будет противостоять социальному регрессу и культурной энтропии.

Потеря каждого элемента классической самобытной культуры мира — наносит удар и культурному суверенитету России. Поэтому речь идет не о добровольной культурной самоизоляции в стратегической обороне — речь и идет о перехвате стратегической культурной инициативы, активной политике и культурной экспансии в окружающем мире.

Период деструкции, которым обернулись неудачные и концептуально непроработанные попытки осуществления радикальных политических и экономических преобразований на территории СССР в последнюю четверть XX века, вполне закономерно, среди прочих как отрефлексированных, так и неотрефлексированных реакций, актуализировал значение вопроса о жизненно необходимом сохранении идентичности российского народа, государства и страны в целом.

Глобальные культурные и шире — цивилизационные — изменения на европейском континенте происходят на наших глазах.

На Россию оказались перенесены проблемы кризиса цивилизационного европейского социума, в котором произошло «превращение форм», и в образах привычных и неоспариваемых форм Просвещения и прогресса — выступили их антигуманные противоположности, стремительно приобретающие тоталитарный характер.

Веротерпимость, рожденная веком Просвещения, на самом деле в современной Европе оказалась воплощена не в преодолении ограничений религиозного сознания, а «неоязычеством», когда на деле утверждаются религиозные формы, стоящие по своей организации

ниже монотеистических религий, в частности ниже уровня мышления христианской религии.

Атеизм, заключавшийся, начиная с эпохи Просвещения, в принятии сложной научно обоснованной картины мира и его гуманистических ценностей с отказом от гипотезы о «высшем существе», оказался в наше время подменен воинствующим «антитеизмом», по сути означающим культ уничтожения «высшего существа» с одновременным отказом от многих ценностей, вызревших в монотеистическую эпоху, основы которых связаны с заповедями христианской религии.

Постулат европейских гуманистов о самоценности каждой личности оказался в XX веке подмененным де-факто провозглашенным правом индивида на пренебрежение к социальным нормам и социуму как таковому, культом индивидуализма и гедонизма. Признание права национальных меньшинств на самобытность, курс на мультикультурализм и взрывной рост миграционных потоков в Европу — привели в начале XXI века к массовым нарушениям прав и ущемлением достоинства представителей коренного большинства в развитых демократических европейских государствах. Интернационализм — оказался подменен забвением национальных интересов и полинационализмом, который готов в борьбе против «своего» национализма поддерживать и славить любой другой национализм, если только он провозглашает борьбу с «имперскими притязаниями» существующего государства.

Признание права каждого на неограниченное развитие было подменено де-факто правом на возвышение сильных и презрением к «слабым», т. е. к основной массе. Идея достойной жизни для каждого — культом совершенствования гипертрофированного потребления. Естественный процесс интернационализации всех сторон общественной жизни — экспансионистской версией глобализации, по сути означающей диктат одной части мира по отношению к другой.

В настоящее время к числу объективных угроз национально-культурной (цивилизационной) идентичности России относятся:

- распространение поведенческих образцов общества потребления, утверждающих в качестве главного смысла существования человека его растущее потребление;
- массовая культура, утверждающая сведение высоких культурных образцов к их примитивизированному восприятию;
- квазичивилизация Постмодерна, отрицающая единство законов мира, объективность истины, иерархию этических

и эстетических категорий и утверждающая моральный и ценностный релятивизм.

В совокупности они угрожают ценностным основаниям культуры России, отечественной ментальности, равно как и основным ценностям классической мировой и европейской цивилизации.

К числу субъективных угроз относится информационная агрессия геополитических конкурентов России, направленная на разрушение отечественной историко-культурной и государственно-политической самоидентификации, а также использование культуры (произведений культуры и искусства) для дискредитации и разрушения политического суверенитета России.

Эти угрозы должны быть устранены, а информационная агрессия отражена.

Создание системы защиты культурного суверенитета страны включает в себя следующие основные шаги:

- признание факта этой агрессии и ее угрозы культурному суверенитету и государственному суверенитету страны;
- создание системы отслеживания и анализа распространения агрессивных воздействий, их основных направлений;
- устранение разрыва между повседневным уровнем бытовой культуры граждан и имеющимся в стране культурным потенциалом, соединение повседневной жизни человека с ресурсами национальной культуры, «окультуривание» повседневной жизни, а также сферы политической деятельности;
- осуществление своего рода второй «культурной революции» — культурного ликбеза в стране, учитывая, что информационная агрессия апеллирует к примитивному восприятию, повторяемости ярких, но упрощенных культурных образцов — и оказывается бессильна там, где ей противостоят укоренившаяся в традиции национальная культура и высокие образцы искусства, обращающиеся к сущностным добрым началам в душе человеке;
- деунификация — качественное улучшение деятельности системы образования в гуманитарной и творческой сферах с целью обеспечения подготовки кадров высшей квалификации в области культуры и искусства — кадров, обладающих творческим горением и хорошим вкусом, способных сделать доступными и воспринимаемыми высокие образцы искусства;
- обеспечение повседневной доступности ресурсов культуры для каждого человека.

И главное — всю сферу культуры и всю культурную жизнь общества необходимо наполнить идеалами, образами героев и светлым образом будущей России, что должно способствовать нравственному воспитанию и пониманию главного тезиса о ценности и призвании каждого человека жизни в соответствии с высшими смыслами и ценностями, в том числе с традиционными семейными ценностями, которые являются более важными, чем личное физиологическое существование и гедонистические устремления.

Актуальные проблемы государственной культурной политики в современной России

Основные принципы государственной культурной политики появились в современной России только в 2012 году и поэтому до сих пор не прекращаются дискуссии по поводу ее приоритетов и аксиологического содержания.

Существует множество определений культуры, но в большинстве из них упущено из виду важнейшее качество культуры в контексте современной политической ситуации в России — то, что *культура — это один из способов легитимации и укрепления власти, поскольку именно через культуру власть может или сохранить существующую систему отношений в обществе или кардинально ее изменить*. Культура выступает мощнейшим политическим средством в процессах управления общественными процессами. С помощью культуры, влияя на общественное сознание, установки восприятия, идеалы, поведение людей, можно трансформировать содержание исторической памяти, создать новых «героев» и «предателей», изменить социокультурный код нации и целой цивилизации, хотя для этого требуются серьезные усилия.

Аксиологическое содержание и модель государственной культурной политики в любом обществе в значительной степени определяются социальной сущностью власти, доминирующими интересами и целями правящей политической элиты, ее отношением к народу и общенациональным интересам страны, отражающим реальные потребности и общие интересы большинства граждан страны.

Формированию какого типа ценностного сознания содействует современная государственная культурная политика Российской Федерации? Насколько результативно деятельность уполномоченного федерального органа исполнительной власти в сфере культуры способствует решению задач и достижению целей государственной культурной политики? Что означает «ценностно ориентированная модель государственной культурной политики», которая указана в Стратегии государственной культурной политики в числе ожидаемых результатов реализации Стратегии? В какой мере этой модели соответствует действующая в настоящее время система государственного управления в сфере культуры, включая нормативное правовое обеспечение? Одним из наглядных свидетельств сложной

ситуации в сфере государственной культурной политики является, на наш взгляд, серьезные затруднения при подготовке проекта нового федерального закона «О культуре», с которыми столкнулись его разработчики уже на этапе проектирования концепции этого законопроекта, в том числе в части его понятийного аппарата.

Это и другие связанные с ними вопросы важно поставить с целью совершенствования и развития государственной культурной политики. Рассмотрим некоторые проблемы культурной политики в современной России с учетом поставленной цели.

Вследствие кардинальных политических и экономических преобразований российского государства в 1990-х годах произошел переход государства на новый путь развития, в том числе в сфере культуры. Взаимодействие политики, культуры и искусства кардинально изменилось. Отчасти эти изменения связаны с внедрением в перестроечный период политизированной, коммерциализированной, рыночной модели государственной культурной политики, осуществляемого параллельно с формированием потребительского общества, что напрямую отразилось на *иерархии привычных ценностей российского общества*. Отказ от советской модели взаимодействия культуры и политики привел к поиску нового содержания, который пока концептуально не завершен. *Целенаправленное вытеснение ранее сохраняемых смыслов и традиционных российских духовно-нравственных ценностей, присущих социалистическому обществу, в условиях строительства государства на новых принципах сопровождалось размытием* затянувшимся поиском национальной идеи России, что во многом отразилось на качестве и содержании производимых произведений искусства и культурных благ: «...В атмосфере царит зло, большинство интуитивно чувствуют это зло, но не осмысливают ситуацию. Сейчас человеку не дают шанса остановиться и осмыслить происходящее. Нескончаемые сериалы, один тупее другого, пошлая эстрада, похотливые и агрессивные фильмы, аккуратно воздействуя на подсознание, культивируют дух эгоизма и насилия... мы видим, как меняется мир. На наших глазах разыгрывается трагедия, смысл которой большинству не заметен. Ясно одно: сила, выраженная в рынке, стремится уничтожить мир...»¹.

¹ Русский мир: проблемы духовно-нравственного, гражданско-патриотического воспитания и пути их решения : Пленарные доклады Международной научно-практической конференции (Донецк, 24 октября 2018 года) / под общей ред. проф. С. В. Беспаловой. Донецк, изд-во ДонНУ, 2018. С. 13.

Особое значение имеет государственная политика в сфере музыкального искусства, которая выполняет важнейшую роль в процессах сохранения общей исторической памяти и национальной идентичности российского общества, поэтому особое значение приобретают известные медийные фигуры, выполняющие символические роли для сохранения единства России и ее культурно-цивилизационного пространства (такую роль выполнял, например, до недавнего времени народный артист России И. Д. Кобзон).

Содержание мемориальной культуры и политики современной России должно выстраиваться в соответствии с политическими вызовами и способствовать сохранению культурного наследия в новых исторических условиях. Разрушение/восстановление памятников культурного наследия разных исторических эпох затрагивает противоречивые социальные интересы и может выступать как пространством для политического взаимодействия и диалога, так и пространством для политического конфликта.

«Память мертва, пока человек не оживит ее»², как мертвы и объекты культурного наследия, не обладающие культурно-исторической значимостью для народа. «О настоящем мы можем сказать, что оно “было”, а о прошлом, что оно “есть”, поскольку оноечно, оно дано на все времена»³, — онтологическая значимость прошлого, закрепленная в мемориальной культуре, создает неразрывную связь между прошлым и настоящим, задает точку отсчета в нашем отношении к бытию. Инструментальное отношение к памяти, столкновение различных версий культурно-исторической памяти в «местах памяти» в рамках общего культурно-цивилизационного пространства приводят к внутрицивилизационным и межцивилизационным разломам, которые сложно преодолеть.

Почему особый научный интерес возникает к памяти и роли культурного наследия в процессах ее сохранения в государствах де-факто (в частности, в самопровозглашенных республиках Донбасса)? Может быть, потому, что пограничное состояние этих территорий способствует выработке наиболее эффективного ответа на самые сложные научно-философские и практические вопросы по проблематике исследования памяти, обостряя до предела все возможные смыслы.

Культурно-историческое наследие в ДНР и ЛНР в последнее время приобрело особую цивилизационную значимость не только

² Губин В. Д. Метафизика памяти. М. : РГГУ, 2017. С. 11.

³ Там же. С. 17.

для жителей этих республик, но для значительной части российских граждан, признающих их своими соотечественниками, которых надо защитить. Ведь, как известно, часть культурного наследия ЛДНР относится к советской эпохе, часть — к эпохе Российской империи и еще более ранним историческим временам.

По итогам исследований, которые были проведены на территории Луганской Народной Республики, от обстрелов в 2014—2018 годах пострадали церковь Вознесения (1849 года), лесопарк Острая Могила, здание, в котором проходило первое заседание Луганской городской думы (конец XIX — нач. XX века), особняки и усадьбные дома этого же исторического периода, Николо-Преображенская церковь, фасад дома, в котором родился русский писатель В. И. Даль, памятник ликвидаторам аварии на Чернобыльской АЭС, Саур-Могила...⁴ Разрушение объектов культурного наследия привело к возрождению эффекта «непостижимого воспоминания» в массовом сознании. Борьба народа Донбасса за собственную политическую независимость повлияла на международные отношения, привела к кардинальному изменению геополитической ситуации во всем мире, которая уже никогда не будет прежней. Около 15 тысяч человек погибли, отстаивая право на культурно-историческую близость к России и право говорить на русском языке.

В периоды роковых событий в целях сохранения нации, народа, цивилизации происходит обращение к памяти как *«вечно длящемуся состоянию... эта память подобна любви: невозможная, прекрасная, ошеломляющая, пронизывающая каждую минуту существования, любви, которой у большинства людей не было и не могло быть... Эта прекрасная и невозможная любовь, сплетенная из кратких переживаний, мгновенных, обжигающих ощущений, из воздушных замков страстной мечты всегда жила в каждом человеке, и он всегда может о ней вспомнить, и это воспоминание составляет важнейшую часть его души. Эта память подобна свободе — недостижимая, никогда не осуществляемая до конца, она всегда живет в памяти человека, ибо сплетена из мгновений восторга независимости от случайных переплетений судьбы, обжигающего ледяного воздуха своеволия, решимости бросить вызов всему миру, бросить свою жизнь ему под ноги. У большинства людей не было таких мгновений, многие только мечтали о подобной смелости, никогда не решаясь на поступок, ни-*

⁴ Беспалова Т.В., Свиридкина Е.В. Культурно-цивилизационные смыслы государственного патриотизма. М. : Институт Наследия, 2019. — 212 с.

когда ничем не рисковали, но памятью о такой свободе обладают все люди, пусть подспудно, неявно, неосознанно»⁵.

Народ Донбасса бросил вызов неонацизму, обратившись к редкому содержанию своей *цивилизационной памяти* (понятие из работ В. Н. Расторгуева), что сделалось возможным только на грани риска... *Место памяти и люди, находящиеся в этом месте, стали условием сохранения самого важного смысла исторической памяти, значимой для современного периода развития российской цивилизационной общности.*

С. Хантингтон в известной работе «Столкновение цивилизаций» цитирует идею Ж. Делора о том, что будущие конфликты будут загораться скорее от искры национального фактора, чем экономического или идеологического. Он также обращает внимание на наиболее опасный вид конфликтов — *культурные конфликты «вдоль линий разлома цивилизаций»*⁶. Идеология оказывается бессильна удержать общее историческое пространство, в отличие от культуры и религии.

Государственная культурная политика отражает уровень культуры в обществе, в особенности в его политической элите и творческой элите, поэтому особо настораживают некоторые *негативные тенденции*, которые появились в сфере культуры российского общества.

Возникшие в последние десятилетия публичные акции провокационного характера в сфере культуры в отношении различных социальных групп, осквернение культурных и религиозных святынь, нарушение табуированных в российском обществе социальных норм (фильм «Праздник» о блокадном Ленинграде в жанре комедии), навязывание чувства вины нашим современникам за репрессии и тоталитаризм в культурно-исторических формах (проекты «Бессмертный барак», «Последний адрес»), попытки оскорбить достоинство и чувства верующих, поссорить их с атеистами, попытки фальсификации исторической памяти в современном кинематографе, сознательное размывание традиционных российских нравственных ценностей в скандальных театральных постановках — все это требует пристального исследования в контексте основных проблем культуры и государственной культурной политики в современной России.

Процесс деградации современного российского художественного пространства с особой силой проявляется в условиях новых

⁵ Губин В. Д. Метафизика памяти... С. 35

⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003. С. 23.

геополитических вызовов для России. Политизация отдельных направлений современного искусства, моральная деградация некоторых псевдохудожественных арт-практик (танцы «Пусси Райот») стали наглядным примером разрушения границ между искусством и не-искусством. Деструктивные технологические смыслы фильмов «Матильда», «Смерть Сталина» использовались в качестве «спланированной провокации», мишенью которой были интересы различных групп людей — православных, коммунистов и др. Запуск подобных технологий цветных революций» в сферах культурной, образовательной и молодежной политики под прикрытием лозунга о свободе творчества довольно сложно остановить.

Мотивация таких деятелей искусства имеет длительную историю конфронтации части интеллигенции и государства. «Как сладостно Отчизну ненавидеть и жадно ждать ее уничтоженья! И в разрушении отчизны видеть Всемирную десницу возрождения!» — так в свое время профессор Московского университета В. С. Печерин выражал свое отношение к России и даже, как он отмечал в своих «Замогильных записках», желал победы Наполеону, молясь об этом⁷. Похожим образом часть нашей «интеллигенции» выражает ненависть к власти, создавая культурные произведения определенного содержания, очерняя вместе с властью — Россию, народ и историю (фильм «Сталинград»). Судьба Печерина характерна для многих российских неудачливых реформаторов антироссийской ценностно-культурной ориентации⁸.

На этом фоне редкие успешно снятые отечественные фильмы патриотической направленности («Движение вверх») действительно становятся предметом национальной гордости. Однако люди, воспитанные на качественном советском и зарубежном кино, исключая примитивизацию в стиле action, все-таки не видят в современных отечественных фильмах достаточной прорисовки характеров главных героев, глубоких переживаний, запоминающихся диалогов, которые сами по себе «разбираются на цитаты»,

⁷ Цит. по: Цивилизация и модернизация: история и современность : Коллективная монография / под ред. проф. В. Ю. Бельского, проф. Е. А. Когай. М. : СГУ, 2019. С. 41.

⁸ Печерин покинул Россию в 1836 г. За границей перешел в католичество. В 1847 г. он был лишен российского подданства, всех прав состояния и объявлен навечно изгнанным из империи. В Лондоне Печерин сблизился с Александром Герценом, вклад которого в развитие революционного движения в России отмечал Ленин.

и других важнейших содержательных компонентов, притягивающих к повторному просмотру фильма. Именно это сохраняющееся желание «пересмотреть картину еще раз» является критерием ее высокого качества («Солярис», «А зори здесь тихие», «Калина красная» и др.). Кинематограф и музыкальная культура — два наиболее эффективных способа формирования и памяти, и культуры.

Культура — это система ценностей, которая воспроизводится через образовательные, научные и воспитательные институты, требующие государственной поддержки для нормального функционирования. Культура как сфера ценностей позволяет выявить сущностные силы человека, направленные на освоение мира. Перечень ценностей можно выстраивать по иерархическому принципу (от менее значимых к более значимым) или по принципу дихотомий (индивидуализм-коллективизм). В рамках отдельно взятой культурной парадигмы можно вести речь о соотношении базовых установок, которые являются устойчивой основой объединения людей.

Российская модель культурной политики самобытна. Культура — это тип взаимоотношений, который складывается в обществе исторически, это такие ценности, нормы и образцы поведения, которые **обязательны** для представителей конкретного этноса, народа, нации и цивилизации. Это необходимое условие сохранения цивилизации. Культура — это способ передачи социального опыта через освоение каждым поколением не только материального мира культуры, но и духовного — таких базовых ценностных установок, которые создают устойчивое представление о прекрасном и безобразном, любви и ненависти, жизни и смерти, подвиге и предательстве.

Приоритетный тип культурных отношений в России всегда был связан с воспроизводством практик культурного взаимодействия, которые выражались в традиционных способах мировосприятия, а также в способах сохранения культурного достояния, принятых в обществе.

Несмотря на историческую противоречивость культурных практик, Россия в самых сложных политических условиях всегда сохраняла (или вновь возрождала) свой культурно-цивилизационный код. Сохранение культуры является необходимым условием сбережения народа.

Культура — это система национального воспитания. Наиболее ярко о национальном воспитании сказал И. А. Ильин: «Покажи мне, как ты веруешь и молишься; как просыпаются у тебя доброта, геройство, чувство чести и долга; как ты поешь, пляшешь и читаешь

стихи; что ты называешь “узнать” и “понимать”, как ты любишь свою семью; кто твои любимые вожди, гении и пророки, — скажи мне всё это, а я скажу тебе, какой нации ты сын; и всё это зависит не от твоего сознательного произвола, а от духовного уклада твоего бессознательного»⁹.

Государственная культурная политика — это также способ обозначения *нормативных границ — запретов в сфере* культурной деятельности, что во многом определяется целями и приоритетами культурной политики. Именно это и подобные ему определения культурной политики из огромного множества определений вызывает наибольшую критику со стороны части творческой элиты, которая видит в нем главную угрозу для себя — угрозу цензуры. Тем не менее опыт функционирования культурных ценностей в условиях имперской России и СССР свидетельствует о том, что цензура являлась той формальной границей, которая вынуждала творцов, не нарушая ее, находить способы на прекрасном языке культуры выразить желаемые смыслы. Совершенно очевидно, что сфера табуированных тем существует в любом обществе, и, пока сохраняется ее неприкосновенность, общество имеет будущее¹⁰.

Уникальность российских (и русских) культурных ценностей объяснима не только их содержанием, но и совершенно неповторимой формой их творческого выражения. На наш взгляд, концептуальное определение целей государственной культурной политики современной России должно учитывать *преемственность основных российских исторических эпох* — царской, советской и постсоветской. Революции, войны, репрессии осмысливаются в художественно-культурном измерении и подвергаются различным противоречивым интерпретациям во времена социокультурных перемен. Однако эти противоречия можно смягчить при условии следования трем ценностным основаниям — *любовь к России; свобода, ограниченная совестью и ответственность за будущие поколения*. Признание преемственности эпох исторического развития России становится важнейшим фактором целостного восприятия российской истории

⁹ Ильин И. О национальном воспитании [Электронный ресурс]. — URL: <http://pokrov.volkovichi.ru/content/ivan-ilin-o-nacionalnom-vospitanii> (дата обращения : 13.02.2019).

¹⁰ Если гипотетически представить, что в культуре убрали все запреты и стало все возможно, то неизбежно найдутся творческие личности, которые с упоением воплотят свои аморальные, античеловечные и антиобщественные идеи в любой эстетической форме.

и культуры без дробления ее на «правильные» («положительные») и «неправильные» («негативные») исторические периоды. Не случайно А. С. Панарин отмечал, что *разрыв между эпохами Российской империи и Советского Союза носил идеологический характер, тогда как на цивилизационном и геополитическом уровнях преемственность эпох была сохранена.*

Во многих научных работах утверждается, что главной целью политического управления в сфере культуры является воспроизводство существующей в обществе системы социально-политических отношений. Однако мало кто отмечает историческую обусловленность самобытности российской модели культурной политики, требующей сохранения не только *иерархии значимых культурных ценностей и их культурной дихотомии в России*, но и, как следствие, *привычной формы* взаимоотношений искусства и политики, *типа* диалога «художник-власть».

Реальностью сегодняшнего дня стала управляемая извне гражданская война на Украине, которая фактически переросла в межцивилизационное противостояние и стала одним из ярких проявлений борьбы и доминирования различных политических и экономических групп в формировании коллективного образа действительности. За пять лет (2014–2019) гражданское противостояние с Украины перешло в латентных, а иногда и в совершенно открытых формах, на территорию Белоруссии и Российской Федерации. Первые семейные конфликты и разводы по политическим причинам, а также ожесточенная конфронтация в реальном и информационном, в том числе виртуальном, пространстве (игровые политические телешоу, социальные сети) привели к расколу российского общества, часть которого доверяет официальной трактовке происходящего на Украине, а часть (значительно меньшая) настроена критично, вплоть до обвинения российской власти в захватнических действиях. Раскол российского общества усиливается, в том числе по причине сложной социальной, экономической и духовно-моральной ситуации в стране — в частности, из-за принятия непопулярных политических решений (пенсионная реформа и др.).

Вероятность негативного развития международных и внутрироссийских процессов и событий, вплоть до катастрофических сценариев, угрожающих России, пока еще существенно велика, а внешние и внутренние причины и факторы, усугубляющие ситуацию, продолжают действовать. Если не преодолеть деструктивные тенденции, связанные с утратой русской (российской) идентичности,

то исчезновение российской цивилизации будет неизбежным. Тем более что в последние десятилетия мир столкнулся с глобальной угрозой навязывания чуждых ценностей, в том числе методами «мягкой силы» и военными способами¹¹. «Культурная война» стала одним из распространенных способов навязывания чуждых ценностей, разрушения идентичности народов, и средством достижения экономических и геополитических целей...

Основные проблемы государственной культурной политики в современной России:

- отсутствие концептуального обоснования новой модели государственной культурной политики с учетом современных внутренних и внешних вызовов российской цивилизации и проекта содержания такой государственной культурной политики применительно к отдельным областям культуры и искусства;
- затруднительность выработки и закрепления положений, выражающих идеологические приоритеты культурной политики, в документах стратегического планирования в сфере культуры (до недавнего времени в условиях буквального толкования конституционного запрета установления любой идеологии в качестве государственной или обязательной — часть 2 статьи 13 Конституции Российской Федерации);
- разрушение традиций отечественного кинематографа (успех современного кинематографа оценивается главным образом по кассовым сборам, зрелищности и пр.);
- сложность решения проблемы согласования интересов основных субъектов культурной деятельности;
- отсутствие эффективного межведомственного взаимодействия, в том числе координации федеральных органов исполнительной власти при стратегическом планировании, программировании и реализации культурной, образовательной, молодежной, национальной политики и политики просвещения, а также политики в сфере массовой информации;

¹¹ См.: Беспалова Т.В., Сириджина Е.В. Культурно-цивилизационные смыслы государственного патриотизма. М. : Институт Наследия, 2019. — 212 с.

- отсутствие правовых гарантий защиты детей от информации, не соответствующей традиционным российским представлениям о нравственности¹²;
- тенденциозное использование темы культурного наследия оппозиционными политическими силами в антигосударственных или иных политических целях.

При совершенствовании понятийного аппарата в сфере культурной политики необходимо также учесть перечень угроз в отношении нашего государства, значительно усилившихся после воссоединения Крыма с Россией, которые обозначены в основных документах стратегического планирования России. В Стратегии противодействия экстремизму в РФ до 2025 года отмечается, что *«серьезную угрозу представляют участвовавшие в иностранных государствах случаи умышленного искажения истории, возрождения идей нацизма и фашизма»*; в Стратегии национальной безопасности РФ отмечается, что *«все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, в том числе путем фальсификации истории»*. В Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года в числе рисков для культурного состояния российского общества и гражданского единства отмечается *«деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории»*; в Доктрине информационной безопасности РФ указывается, что основным направлением обеспечения информационной безопасности в области обороны страны является *«нейтрализация информационно-психологического воздействия, в том числе направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой Отечества»* и др.

Выводы:

1. Общей стратегической целью государственной культурной политики и государственной национальной политики Российской Федерации является укрепление единства российского общества посредством сохранения и развития русской культурной доминанты, являющей-

¹² Например, недавний скандал на форуме «Таврида», где во флеш-моб были включены сцены, символически изображающие гомосексуальные отношения, или фотовыставка «Джон Стерджес. Без смущения», экспонирующая снимки обнаженных детей в стиле ню, вызвавшая резкое возмущение со стороны посетителей, и др.

ся основой общероссийской гражданской идентичности¹³ и системообразующим ядром российской цивилизации наряду с поддержкой развития других культур народов России (мусульманской, иудейской, буддистской).

2. В настоящее время весьма актуальными являются проблемы сохранения российской идентичности, исторической и культурной памяти, обеспечения культурного суверенитета России, воспитания патриотизма в сфере реализации государственной культурной политики.
3. Исходя из взаимосвязи государственных культурной и национальной политик считаем обоснованной разработку и интеграцию в Стратегию государственной культурной политики положений о целях и задачах государственной культурной политики, обеспечивающих формирование и укрепление *общероссийской гражданской идентичности* (гражданского самосознания), под которой понимается осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность ***базовым ценностям российского общества***.

¹³ Пункт 11.1. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

**Резолюция Всероссийской научно-практической
конференции «Цивилизационный путь России:
культурно-историческое наследие
и стратегия развития»**

Москва, 15–16 мая 2018 г.

Участники конференции «Цивилизационный путь России: культурно-историческое наследие и стратегия развития» обсудили актуальные вопросы цивилизационного развития России, в том числе состояние научных исследований по проблематике российской цивилизации, включая методологию исследований, а также значение ценностей российской цивилизации в культурно-историческом наследии России для современных и будущих поколений граждан России, состояние русского народа и российской цивилизации; вопросы сохранения и укрепления российской цивилизационной идентичности и исторической памяти народа России, и отмечают следующее.

Происходящее обострение международной обстановки сопровождается ужесточением конкуренции государств, относящихся к разным полюсам складывающейся полицентрической системы международных отношений. Эта конкуренция все больше приобретает цивилизационный характер, форму соперничества ценностных ориентиров. Со стороны США и их союзников продолжаются попытки навязывания другим странам собственной шкалы ценностей, подчинения их действий своим целям и интересам. В таких условиях стратегическая задача сохранения Россией государственного и культурного суверенитетов предполагает выработку системы мер по сохранению и укреплению российской цивилизационной идентичности.

Одной из приоритетных задач России как государства-цивилизации является выработка и реализация долгосрочной стратегии гуманитарного развития Российской Федерации, основывающейся на традиционных российских духовно-нравственных ценностях. Важно отметить, что реализация аксиологического и цивилизационного подходов в ряде сфер государственного управления способствует обеспечению национальных интересов России и не противоречит

задаче укрепления единства многонационального народа Российской Федерации.

Перспективы развития России как государства-цивилизации, сохраняющего свою самобытность, национальный суверенитет в системе международных отношений, в значительной степени зависят от актуализации роли культурно-исторического наследия России, его цивилизационного компонента, в сферах культуры, образования, государственной национальной политики и средств массовой информации.

Анализ действующих документов стратегического планирования Российской Федерации показывает, что цивилизационный подход реализован в большинстве из них фрагментарно и непоследовательно. В действующих государственных программах и нормативных актах в сферах культуры, образования, науки, молодежной политики, государственной национальной политики на федеральном и региональном уровнях практически отсутствуют мероприятия, направленные на сохранение, укрепление и реализацию ценностей и смыслов российской цивилизации, обеспечивающих культурный суверенитет России.

Заявления Президента Российской Федерации В. В. Путина о необходимости обеспечения сохранения и защиты самобытности России, сохранения и укрепления российской цивилизационной идентичности, основанной на русской культурной доминанте (при сохранении этнокультурных идентичностей народов России), а также в государственных образовательных программах по предметам обществоведческого цикла всех уровней образования, по сути, игнорируются.

Следует привлечь внимание федеральных органов государственной власти к необходимости системного и последовательного использования цивилизационного и ценностного подходов в сфере государственного управления, в том числе при разработке документов стратегического планирования Российской Федерации.

Также представляется необходимым увеличить государственную поддержку научных исследований по цивилизационной проблематике на основе междисциплинарного подхода. Цивилизационная теория (прежде всего, на основе русской цивилизационной научной школы) должна использоваться как научная база обеспечения государственной политики в сферах культуры, образования, государственной национальной политики, молодежной политики, международного культурно-гуманитарного сотрудничества. При этом представляется важной разработка и совершенствование поня-

тийного аппарата по цивилизационной проблематике, а также разработка предложений по системному согласованию (гармонизации) целей, задач, принципов, приоритетных направлений в документах стратегического планирования в указанных сферах.

Учитывая возрастание информационной агрессии со стороны зарубежных государств и организаций по отношению к России, представляется необходимой также разработка на государственном уровне системы мер по противодействию попыткам демонизации ее образа.

Участники конференции **рекомендуют:**

1. Правительству Российской Федерации во взаимодействии с палатами Федерального Собрания Российской Федерации и другими заинтересованными государственными органами, научными и общественными организациями, экспертным сообществом, с учетом необходимости реализации стратегических целей обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в области культуры, определенных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, разработать и принять систему мер по укреплению российских традиционных духовно-нравственных ценностей и российской цивилизационной идентичности в сферах культуры, образования, просвещения, молодежной политики, государственной национальной политики, информационной политики Российской Федерации.

2. Министерству культуры Российской Федерации:

- 1) рассмотреть вопрос о включении в проект национальной программы в сфере культуры, разрабатываемой во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204, мероприятий, направленных на сохранение и укрепление российской цивилизационной идентичности;
- 2) рассмотреть вопрос о проведении ежегодных научно-практических конференций «Цивилизационный путь России: культурно-историческое наследие и стратегия развития» с привлечением экспертов по вопросам цивилизационного и аксиологического подходов в сфере культуры.

3. Министерству науки и высшего образования Российской Федерации совместно с Министерством просвещения Российской Федерации и Министерством культуры Российской Федерации:

- 1) в содержание государственных образовательных программ общего образования и государственных образовательных программ высшего образования по предметам обществоведческого цикла ввести компоненты по изучению российской цивилизации;
- 2) дополнить федеральный государственный образовательный стандарт общего образования разделом «Цивилизационное наследие России».

4. Министерству высшего образования и науки Российской Федерации рассмотреть вопрос о проведении ежегодных международных конференций высших учебных заведений и научных институтов государств — участников СНГ, ЕврАзЭС, ШОС и БРИКС по цивилизационной тематике.

5. Федеральному агентству по делам национальностей при подготовке предложений по корректировке Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года предусмотреть включение в указанную Стратегию положений, направленных на сохранение и укрепление российской цивилизационной идентичности, в том числе в формулировках задач и приоритетных направлений государственной национальной политики. При разработке очередного плана мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года предусмотреть включение в него мероприятий, направленных на укрепление российской цивилизационной идентичности.

6. Президиуму Российской академии наук рассмотреть вопрос о состоянии фундаментальных и поисковых научных исследований вопросов развития российской цивилизации, внести в установленном порядке предложения по включению в Программу фундаментальных научных исследований государственных академий наук разработку методологии и методики исследования российской цивилизации, ее ценностных основ и культурного своеобразия.

7. Российскому научно-исследовательскому Институту культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва:

- 1) рассмотреть вопрос о включении в научные планы работ по следующим направлениям: «теоретико-методологические основы исследования российской цивилизации, смыслов и ценностей культурно-исторического наследия России»;

«теоретическое обоснование и направления развития государственной политики в сфере международного гуманитарного сотрудничества в целях обеспечения культурного суверенитета Российской Федерации»;

- 2) рассмотреть вопрос о создании постоянно действующего научного семинара и научно-экспертного совета с целью научного обеспечения применения цивилизационного и аксиологического подходов в сферах культуры, образования, науки, государственной национальной политики, информационной и молодежной политики.

**Определения основных понятий
законодательных актов Российской Федерации
и документов стратегического планирования в сфере
культуры и связанной с ней сфере государственной
национальной политики
(извлечения)**

**1. Основы законодательства Российской Федерации
о культуре от 9 октября 1992 года № 3612-I**

Культурная деятельность — деятельность по сохранению, созданию, распространению и освоению культурных ценностей.

Культурные ценности — нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты.

Культурные блага — условия и услуги, предоставляемые организациями, другими юридическими и физическими лицами для удовлетворения гражданами своих культурных потребностей.

Творческая деятельность — создание культурных ценностей и их интерпретация.

Творческий работник — физическое лицо, которое создает или интерпретирует культурные ценности, считает собственную творческую деятельность неотъемлемой частью своей жизни, признано или требует признания в качестве творческого работника, независимо от того, связано оно или нет трудовыми соглашениями и является или нет членом какой-либо ассоциации творческих работников (к числу творческих работников относятся лица, причисленные к таковым Всемирной конвенцией об авторском праве, Бернской конвенцией об охране произведений литературы и искусства, Римской конвенцией об охране прав артистов — исполнителей, производителей фонограмм и работников органов радиовещания).

Достоинство культур народов и национальных групп — признание их ценности и проявление уважения к ним.

Культурное наследие народов Российской Федерации — материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию.

Культурное достояние народов Российской Федерации — совокупность культурных ценностей, а также организации, учреждения, предприятия культуры, которые имеют общенациональное (общероссийское) значение и в силу этого безраздельно принадлежат Российской Федерации и ее субъектам без права их передачи иным государствам и союзам государств с участием Российской Федерации.

Культурные аспекты программ развития — перспективы социально-экономических, научно-технических и других программ развития с точки зрения воздействия результатов их реализации на сохранение и развитие культуры, а также влияния самой культуры на эти результаты.

Государственная культурная политика (политика государства в области культурного развития) — совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность государства в области культуры.

2. Федеральный закон от 22 августа 1996 года № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации»

Статья 3. Основные понятия

Для целей настоящего Федерального закона используются следующие основные понятия:

кинематография — область культуры и искусства, включающая в себя совокупность профессиональной, творческой, производственной, научной, технической, образовательной деятельности, направленной на создание и использование произведений кинематографии;

фильм — аудиовизуальное произведение, созданное в художественной, хроникально-документальной, научно-популярной, учебной, анимационной, телевизионной или иной форме на основе творческого замысла, состоящее из изображения зафиксированных на киноплёнке или на иных видах носителей и соединённых в тематическое целое последовательно связанных между собой кадров

и предназначенное для восприятия с помощью соответствующих технических устройств. Фильм продолжительностью не менее чем 52 минуты является полнометражным фильмом. Фильм продолжительностью менее чем 52 минуты является короткометражным фильмом;

кинолетопись — регулярные съемки документальных сюжетов, отражающих характерные (преимущественно уходящие) особенности времени, места, обстоятельств и рассчитанных в перспективе на производство фильма;

прокат фильма — распространение фильма в любой форме и любыми способами;

показ фильма — публичная демонстрация фильма, осуществляемая в кинозале, по эфирному, кабельному, спутниковому телевидению и другими техническими способами;

продюсер фильма — физическое или юридическое лицо, взявшее на себя инициативу и ответственность за финансирование, производство и прокат фильма;

прокатчик фильма — физическое или юридическое лицо, имеющее право проката фильма и осуществляющее или организующее его прокат;

демонстратор фильма — физическое или юридическое лицо, осуществляющее показ фильма;

кинозал — место, в котором осуществляется показ фильма;

организация кинематографии — организация независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, основными видами деятельности которой являются производство фильма; производство кинолетописи; тиражирование фильма; прокат фильма; показ фильма; восстановление фильма; техническое обслуживание кинозала; изготовление киноматериалов; изготовление кинооборудования; выполнение работ и оказание услуг по производству фильма, кинолетописи (прокат кинооборудования, аренда павильонов, кинокомплексов, пошив костюмов, строительство декораций, изготовление грима, постижерских изделий, реквизита, игровой техники, специальных эффектов, обработка пленки, звуковое оформление фильма и иное); образовательная, научная, исследовательская, издательская, рекламно-пропагандистская деятельность в области кинематографии; хранение фильма; хранение исходных материалов кинолетописи;

кинопроект — комплект документов, на основании которых принимается решение о государственном финансировании производства национального фильма;

исходные материалы фильма — негатив, контратип, контрольная копия фильма, оригинал магнитных фонограмм перезаписи, музыки, шумов, видеофонограмма — мастер, компакт-диск и иные, необходимые для тиражирования фильма в любой материальной форме;

исходные материалы кинолетописи — негатив, видеофонограмма — мастер, оригинал магнитных фонограмм реплик и шумов и иные, необходимые для производства и тиражирования фильма в любой материальной форме;

тиражирование фильма — изготовление одной или более копий фильма (тираж) в любой материальной форме;

кинопродукция — фильм, исходные материалы фильма, кинолетопись, исходные материалы кинолетописи, тираж фильма или часть тиража фильма;

кинооборудование — оборудование, аппаратура, технические приспособления и запасные части к ним, используемые при производстве фильма, производстве кинолетописи, тиражировании фильма, прокате фильма, показе фильма, выполнении работ и оказании услуг по производству фильма, производству кинолетописи;

киноматериалы — сырье, материалы, используемые при производстве фильма, производстве кинолетописи, тиражировании фильма, восстановлении фильма, прокате фильма, показе фильма, выполнении работ и оказании услуг по производству фильма, производству кинолетописи, изготовлении кинооборудования;

администрация организации кинематографии — руководитель, заместители руководителя, члены правления, главный редактор, главный инженер, главный бухгалтер;

штатный творческий состав организации кинематографии — лица творческих профессий (режиссер-постановщик, оператор-постановщик, художник-постановщик, художник-аниматор, художник по костюмам, художник-гример, звукорежиссер, монтажер, редактор фильма, музыкальный редактор фильма, директор фильма), состоящие в трудовых отношениях с организацией кинематографии (члены трудового коллектива и лица, приравненные к ним);

нештатный творческий состав организации кинематографии — лица творческих профессий (автор сценария, композитор, актер, актриса — исполнители главных ролей), не состоящие в трудовых отношениях с организацией кинематографии;

штатный производственный состав организации кинематографии — члены трудового коллектива организации кинематографии и лица, приравненные к ним, за исключением лиц, входящих

в штатный творческий состав или администрацию организации кинематографии в соответствии с настоящим Федеральным законом;

единая федеральная автоматизированная информационная система сведений о показах фильмов в кинозалах (далее также — единая информационная система) — совокупность содержащейся в базах данных федерального органа исполнительной власти в области кинематографии информации о показах фильмов в кинозалах и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств;

кинофестиваль — культурно-просветительное мероприятие, которое проводится в соответствии с регламентом (правилами), утверждаемым организаторами данного мероприятия, представляет собой показ специально отобранных фильмов и может иметь конкурсную программу, состоящую из оцениваемых жюри фильмов.

<...>

Статья 4. Национальный фильм

Фильм является национальным фильмом, если:

продюсер фильма — гражданин Российской Федерации или юридическое лицо, зарегистрированное в установленном порядке на территории Российской Федерации;

большинство авторов фильма — граждане Российской Федерации;

в состав съемочной группы фильма (режиссеры-постановщики, операторы-постановщики, операторы, звукооператоры, художники-постановщики, художники по костюмам, монтажеры, актеры — исполнители главных ролей) входит не более чем 30 процентов лиц, не имеющих гражданства Российской Федерации;

фильм снимается на русском языке или других языках народов Российской Федерации, за исключением случаев, если использование иностранного языка является неотъемлемой частью художественного замысла;

не менее чем 50 процентов общего объема работ в сметных ценах по производству фильма, тиражированию фильма, прокату фильма и показу фильма осуществляется организациями кинематографии, зарегистрированными в установленном порядке на территории Российской Федерации;

иностранные инвестиции в производство фильма не превышают 50 процентов сметной стоимости фильма;

в фильме не используется нецензурная брань.

В качестве национального фильма рассматривается также фильм, производство которого осуществляется в соответствии с международными договорами Российской Федерации совместно с продюсерами фильма, являющимися иностранными гражданами, лицами без гражданства, иностранными юридическими лицами.

3. Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808

<...>

3. Государственная культурная политика России охватывает такие сферы государственной и общественной жизни, как все виды культурной деятельности, гуманитарные науки, образование, межнациональные отношения, поддержка русской культуры за рубежом, международное гуманитарное и культурное сотрудничество, а также воспитание и самовоспитание граждан, просвещение, развитие детского и молодежного движения, формирование информационного пространства страны.

III. Общие положения

В настоящих Основах используемые понятия означают:

«**культура**» — совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и т.д.);

«**культурная политика**» — действия, осуществляемые органами государственной власти Российской Федерации и общественными институтами, направленные на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей;

«**субъекты государственной культурной политики**» — органы государственной власти Российской Федерации и органы местного самоуправления, образовательные, научные организации, организации культуры, общественные объединения и организации, иные организации, осуществляющие деятельность в области искусства, науки, образования, просвещения, воспитания, семейных отношений, работы с детьми и молодежью;

«**объекты государственной культурной политики**» — материальное и нематериальное культурное наследие, все виды и ре-

зультаты творческой деятельности, система образования, наука, русский язык и языки народов Российской Федерации, семья, системы межличностной и общественной коммуникации, медийное и информационное пространство, международные культурные и гуманитарные связи;

«культурная деятельность» — деятельность по созданию, распространению, сохранению, освоению и популяризации культурных ценностей и предоставлению культурных благ в области культурного наследия, литературы, театрального, музыкального, изобразительного, циркового искусства, архитектуры, градостроительства, садово-паркового искусства, дизайна, кинематографии, фотоискусства, средств массовой информации, культурных (творческих) индустрий, народных художественных промыслов и ремесел, культурного досуга, народного художественного творчества, фольклора, нематериального культурного наследия, музейного, архивного, библиотечного дела, эстетического воспитания, художественного образования, педагогической деятельности в сфере культуры, международного культурного сотрудничества;

«духовная сфера» — система представлений о мире и человеке, о человеческом обществе и отношениях людей, о ценностях и их иерархии;

«менталитет, ментальность российского народа» — совокупность интеллектуальных, эмоциональных, культурных особенностей, ценностных ориентаций и установок, присущих россиянам;

«культурное наследие» — совокупность предметов, явлений и произведений, имеющих историческую и культурную ценность. Культурное наследие включает в себя материальное культурное наследие (здания и сооружения, образцы инженерных, технических решений, градостроительные объекты, памятники промышленной архитектуры, исторические и культурные ландшафты, археологические памятники, монументы, скульптурные памятники, мемориальные сооружения и т. д., произведения изобразительного, прикладного и народного искусства, документы, книги, фотографии — все предметы материального мира, сохраняющие представление об особенностях жизни людей в прошедшие эпохи) и нематериальное культурное наследие (языки и диалекты, традиции, обычаи и верования, фольклор, традиционные уклады жизни и представления об устройстве мира народов, народностей, этнических групп, русская литература и литература народов России, музыкальное, театральное, кинематографическое наследие, созданная в стране уникальная система подготовки творческих кадров);

«сохранение культурного наследия» — обеспечение физической сохранности объектов материального культурного наследия, собирание, документирование и изучение объектов нематериального культурного наследия, вовлечение в культурный и научный оборот объектов культурного наследия;

«информационная среда» — совокупность средств массовой информации, радио- и телевещание, информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» (далее — сеть «Интернет»), распространяемые с их помощью текстовые и визуальные материалы, информация, а также созданные и создаваемые цифровые архивы, библиотеки, оцифрованные музейные фонды;

«информационная грамотность» — знания, способности и навыки, необходимые для получения информации, ее оценки и использования, приобретаемые как в процессе обучения в профессиональных и образовательных организациях, так и вне их, включая все типы информационных ресурсов: устные, печатные и цифровые;

«творческие индустрии» — компании, организации и объединения, производящие экономические ценности в процессе творческой деятельности, а также деятельность по капитализации культурных продуктов и их представлению на рынке. К сфере творческих индустрий относятся: промышленный дизайн и индустрия моды, музыкальная индустрия и индустрия кино, телевидение и производство компьютерных игр, галерейный бизнес, издательский бизнес и книготорговля, рекламное производство и средства массовой информации.

Утверждена
Указом Президента
Российской Федерации
от 19 декабря 2012 г. № 1666

СТРАТЕГИЯ
государственной национальной политики
Российской Федерации
на период до 2025 года
в ред. Указа Президента Российской Федерации
от 06.12.2018 № 703

I. Общие положения

<...>

4.2. Для целей настоящей Стратегии используются следующие основные понятия:

а) **государственная национальная политика Российской Федерации** — система стратегических приоритетов и мер, реализуемых государственными органами и органами местного самоуправления, институтами гражданского общества и направленных на укрепление межнационального согласия, гражданского единства, обеспечение поддержки этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, недопущение дискриминации по признаку социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, а также на профилактику экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве;

б) **многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)** — сообщество свободных равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием;

в) **гражданское единство** — основа российской нации, признание гражданами Российской Федерации суверенитета государства, его целостности, единства правового пространства, этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, исторического и культурного наследия народов Российской Федерации, равных прав на социальное и культурное развитие, на доступ к социальным

и культурным ценностям, солидарность граждан в достижении целей и решении задач развития общества;

г) **общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание)** — осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества;

д) **межнациональные (межэтнические) отношения** — взаимодействие людей (групп людей) разных национальностей (разной этнической принадлежности) в различных сферах трудовой, культурной и общественно-политической жизни Российской Федерации, оказывающих влияние на этнокультурное и языковое многообразие Российской Федерации и гражданское единство;

е) **национально-культурные потребности (этнокультурные потребности)** — потребности людей (групп людей) в самоидентификации, сохранении и развитии своих культуры и языка;

ж) **народы, национальности, этнические общности в Российской Федерации** — национальный и этнический состав населения Российской Федерации, образующий этнические общности людей, свободно определяющих свою национальную и культурную принадлежность;

з) **этнокультурное и языковое многообразие Российской Федерации** — совокупность всех этнических культур и языков народов Российской Федерации.

<...>

Утверждена
Указом Президента
Российской Федерации
от 5 декабря 2016 г. № 646

ДОКТРИНА информационной безопасности Российской Федерации

<...>

2. В настоящей Доктрине используются следующие основные понятия:

<...>

в) информационная безопасность Российской Федерации (далее — информационная безопасность) — состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства;

<...>

Утверждена
распоряжением Правительства
Российской Федерации
от 9 апреля 2016 г. № 637-р

КОНЦЕПЦИЯ преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации

<...>

II. Значение учебных предметов «Русский язык» и «Литература» в современной системе образования

Русский язык как государственный язык Российской Федерации является стержнем, вокруг которого формируется **российская идентичность**, гражданское, культурное, образовательное пространство страны, а также фактором личной свободы гражданина, обеспечивающим возможность его самореализации в условиях многонационального и поликультурного государства.

В Российской Федерации как многонациональном государстве русский язык является языком межнационального общения, языком культуры, образования и науки. Владение русским языком, в том числе языковыми средствами, обеспечивающими коммуникацию в образовательной деятельности, является конкурентным преимуществом гражданина при получении высшего образования и построении профессиональной траектории.

Изучение русского языка и литературы играет ведущую роль в процессах воспитания личности, развития ее **нравственных качеств и творческих способностей**, в приобщении к отечественной и зарубежной культуре, в **сохранении и развитии** национальных традиций и **исторической преемственности поколений**.

Литература — это культурный символ России, высшая форма существования российской духовности и языка. Литература в школе посредством воздействия на эстетические чувства воспитывает в человеке **патриотизм, чувства исторической памяти, принадлежности к культуре, народу и всему человечеству**. На основе понимания

особенностей литературы как вида искусства возможны плодотворное освещение и усвоение важнейших функций литературы — познавательной, нравственной и воспитательной.

<...>

КОНЦЕПЦИЯ **сохранения и развития нематериального** **культурного наследия народов Российской Федерации** **на 2000–2015 годы**

1. Роль нематериального культурного наследия народов Российской Федерации в сохранении единого культурного пространства России

<...>

Нематериальное культурное наследие народов Российской Федерации, являясь важнейшей составляющей частью национальной культуры, способствующей формированию толерантности, **основой национального самосознания, укрепляющей духовную связь поколений и эпох**, играет ключевую роль в формировании культуры Российского государства.

<...>

Особенностью современной общественной жизни России является то, что наряду с коренными народами в стране проживают и некоренные народы, образующие национальные диаспоры.

Важно поддерживать и развивать нематериальное культурное наследие всех народов России, способствуя культивированию **нравственных ценностей**, развитию взаимопонимания между народами, повышению общего уровня культуры.

Литература

1. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. — 407 с.
2. *Беспалова Т.В., Свириджина Е.В.* Культурно-цивилизационные смыслы государственного патриотизма. М. : Институт Наследия, 2019. — 212 с.
3. *Васильев Г.Е.* Перевороты XIX — нач. XX вв. Русская историология. М. : Ваш Формат, 2019. — 601 с.
4. Выступление Президента России В. В. Путина на открытии XXII Всемирного русского народного собора [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5295161.html> (дата обращения : 10.02.2020).
5. *Губин В.Д.* Метафизика памяти. М. : РГГУ, 2017. — 192 с.
6. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М. : Книга, 1991. — 574 с.
7. *Есипов В.В.* Диалог «художник и власть» как инновационный ресурс культуры [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/dialog-hudozhnik-i-vlast-kak-innovacionnyj-resurs-kultury.html> (дата обращения : 23.09.2016).
8. *Зиновьев А. А.* Глобальный человек. М. : Эксмо, 2003. — 448 с.
9. *Ильин И.* О национальном воспитании [Электронный ресурс]. — URL: <http://pokrov.volkovichi.ru/content/ivan-ilin-o-nacionalnom-vospitanii> (дата обращения : 13.02.2019).
10. Интервью В. В. Путина Оливеру Стоуну [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/politics/20170613/1496353896.html> (дата обращения : 15.04.2018).
11. *Лепехин В.А.* Обоснование актуальности антропологического подхода в исследовании русско-российской цивилизации // Образование. Наука. Научные кадры. — 2014. — № 12. — С. 274–278.
12. *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство. М. : Академический проект, 2017. — 503 с.
13. *Лихачёв Д. С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста : антология. М. : Ин-т народов России, 1997. — С. 280–287.
14. Перечень поручений Президента Российской Федерации от 2 декабря 2017 года по итогам заседания Координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах

- детей 28 ноября 2017 года, пункт 7 (Пр-2440, п. 7) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/56263> (дата обращения : 15.04.2018).
15. Русский мир: проблемы духовно-нравственного, гражданско-патриотического воспитания и пути их решения : Пленарные доклады Международной научно-практической конференции (Донецк, 24 октября 2018 года) / под общей ред. проф. С. В. Беспаловой. Донецк, изд-во ДонНУ, 2018. — 133 с.
 16. *Сартори Дж.* Искажение концептов в сравнительной политологии (II) // Полис. — 2003. — № 3. — С. 67–77.
 17. *Тишков В.* Как нам построить общество равных, разных, солидарных наций и народностей [Электронный ресурс]. — URL: <http://svop.ru/main/26190/> (дата обращения : 20.04.2018).
 18. *Хайдеггер М.* Время и бытие : Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. — 447 с.
 19. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2006. — 576 с.
 20. Цивилизация и модернизация: история и современность : Коллективная монография / под ред. проф. В. Ю. Бельского, проф. Е. А. Когай. М. : СГУ, 2019. — 364 с.

Научное издание

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА В СФЕРЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ
ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В авторской редакции

Дизайн обложки: *М.Ю. Маяков*
Компьютерная верстка: *О.В. Ключенкова*

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru